

XXV. Семинар

«Модели предикатов в русском языке»

О некоторых способах фразеологизации синтаксических конструкций (на примере синтаксических фразеологизмов, включающих в качестве постоянного компонента *что бы*)

Л. А. Балобанова

Дальневосточный государственный университет, Владивосток

Функциональный синтаксис, синтаксические фразеологизмы, способы фразеологизации

Summary. Some of Russian Syntactic idioms can be motivated by sentences with conjunction *чтобы*

1. Среди синтаксических фразеологизмов с модальным значением можно выделить пять фразеосхем, включающих в качестве постоянного элемента *что бы*. Это такие конструкции, как

1) **Чтобы** N₁ V_{прош.вр.}: *Чтобы он прогулял! Такого еще не было!*

2) **S не такой** N₁, **чтобы**: *Он не такой человек, чтобы не прийти.*

3) **S не так** Adj_{кр.}, **чтобы**: *Фильм не так интересен, чтобы смотреть его второй раз.*

4) **Нет чтобы** / **бы** N₃ V_{inf.}: *Нет чтобы заранее приехать, так он еще опаздывает.*

5) **Что бы** N₃ V_{inf.}: *Что бы ему оглянуться и посмотреть, кто за ним идет*

Элемент *что бы* играет разную роль в образовании фразеологического значения данных моделей, однако несомненно многие из них являются в определенной мере мотивированными союзом *чтобы*. В современном русском языке выделяются два союза: *чтобы-целевой* и *чтобы-изъяснительный*.

2. Наиболее близки по семантике фразеологизмам первого типа сложноподчиненные предложения с союзом *чтобы*, выполняющие функцию «оценки ситуации как необычной или несуществующей»: *Ни разу не случилось, чтобы он не приезжал* – сравните: *Чтобы он не приехал! Такого еще не было!* Фразеологизм выражает значение невозможности. Его структура не отличается от строения предикативной части с союзом *чтобы*. Идентичность строения и выполняемой функции позволяет предположить, что в данном случае способом фразеологизации служит парцелляция и изменение порядка следования главной и придаточной части, то есть тема-рематическая мена.

3. Похожи на данные структуры фразеологизированные предложения с местоименно-соотносительным словом *такой*: *Этого просто не могло быть! Не такой человек Лев Николаевич, чтобы взять и уйти* (Б. Акунин). Значение невозможности выражают только те предложения, в которых субъекты главного и придаточного предложения совпадают. Союз *чтобы* в данной фразеосхеме сохраняет свое целевое значение. Также как и в предложении нефразеологизированной структуры, главная часть предложения, построенного по фразеосхеме, содержит лексему, которая в силу своей семантической неполноты требует восполнения – это местоименно-соотносительное слово *не такой*. Для фразеологи-

зированной структуры оно оказывается более значимым, нежели союз *чтобы* и другие компоненты. Доказательством может служить опять же парцелляция и тема-рематическая мена, при этом местоименное слово *такой* соотносится с предыдущим контекстом: *Другие может быть стали бы требовать увеличения зарплат за рабочие субботы. А Виктор не такой человек*. Эта же закономерность проявляется и в предложениях фразеологизированной структуры с постоянными компонентами *не так...*, *чтобы*: *Этот фильм не так интересен, чтобы смотреть его*.

4. Усиление отрицания в главной части сложного предложения с *чтобы-изъяснительным* делает возможным образование фразеологизма типа *Нет чтобы позвонить!* Данная модель широко распространена в разговорной речи. Н. Ю. Шведова в «Очерках русской разговорной речи» отмечает, что «конструкции типа *Нет чтобы подождать!*» восходят к построениям типа *Нет того, чтобы подождать*, в которых формой *того* утрачивается категориальное и – соответственно – лексическое значение; для современного состояния языка сочетание *нет того чтобы* здесь выступает как нерасчленяемый формант предложения. *Нет того, чтобы извиниться – грубый такой!* (Л. Толстой)» [1, 271]. Однако на этом процесс фразеологизации данной структуры не заканчивается, в ходе речевого употребления от союза остается лишь частица *бы*: *нет бы позвонить!* В процессе изменения структуры меняется и значение: от констатации отсутствия необходимого действия к его целесообразности.

5. Наиболее ярко значение целесообразности передается моделью *что бы + инф.*: *чтобы ему обождать немного*. В данной фразеосхеме слово *что* полностью утрачивает свое местоименное значение, поэтому основная нагрузка в обозначении ирреального действия ложится на частицу *бы*. Вряд ли уместно говорить здесь о том, что сочетание *что бы* мотивированно целевым союзом *чтобы*, тем более что отмечаются две структурные разновидности предиката: 1) инфинитив: *Что бы вам позвонить заранее, не пришлось бы ждать теперь в очереди*; 2) *стоит + инфинитив*: *Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать?* (Н. Гоголь). Не исключено, что модель *что бы + инф.* мотивированна именно предложениями со словом *стоит*.

Литература

1. Шведова Н. Ю. Очерки русской разговорной речи. М, 1960.

Дебитивные предложения как один из типов предложений русского языка

Е. В. Борисова

ГОУ ВПО «Борисоглебский государственный педагогический институт»

Синтаксис, семантико-функциональный подход, простое предложение, модальные значения

Summary. Debiting sentences, expressing the meanings of necessary, have a number of essential peculiarities that oppose them to some other types of one-member structures. These peculiarities can be found in expressing of modal meanings in the way of using of speech, of pragmatic variations.

Во второй половине XX века сформировался и получил права гражданства в лингвистической науке наряду с традиционным, конструктивным синтаксисом синтаксис семантико-функциональный, что, естественно, привело к уточне-

нию научных представлений о характере синтаксического уровня языка вообще и отдельных его фрагментов (типов предложений) в частности. Перенос центра тяжести в лингвистическом исследовании с формы на языковое содержание

ние позволяет с иных позиций осмыслить и односоставные дебитивные (в традиционной терминологии – инфинитивные) предложения.

Самая важная особенность дебитивного предложения состоит в том, что в его семантическом фокусе находится, как установил еще в 50-х годах XX века К. А. Тимофеев, модальное значение необходимости. Обычно в рамках предложений других разрядов это значение, являясь одной из возможных реализаций синтаксической категории актуальности–потенциальности, имеет модификационный характер. Ср. *За рекой санаторий. – За рекой должен быть санаторий. – За рекой может быть санаторий*. Дебитивные предложения существенно отличаются от других односоставных конструкций тем, что у них данное значение является обязательным и особым образом организует их номинативный центр, интерпретируя то или иное «положение дел» как необходимое.

В конкретных речевых актах значение необходимости осложняется вариантными модальными значениями. Последние логически подчинены модальности, определяющей существо дебитивного предложения в целом. Их назначение – информировать об оценках говорящим констатируемой необходимости. В дебитивном предложении говорящий планирует реализовать то или иное «положение дел»: *Завтра с утра хлеб сдавать* (В. Астафьев) и, напротив, решительно протестует против его реализации: *[Хазанов сразу же отменил самую возможность настоящей дискуссии с Жириновским] – не опровергать же всерьез обвинения в поджоге Театра Эстрады и Манежа, не возражать же взхлеб против намерений лидера ЛДПР отправить всех юмористов и сатириков во главе с Хазановым в Магадан на строительство дорог!* (из газет), беспеллационно приказывает: *«Быстро всем уйти!» – заревел Калягин, когда чья-то попавшая в кадр спина в очередной раз помешала начать съемку* (из газет) и мягко советует: *– Тебе бы, парень, в лазарет сходить да подлечиться* (А. Приставкин), мечтает об осуществлении необходимого: *...Притихнуть бы на теплом козгорке и задуматься* (В. Шукшин) и опасается, что оно станет явью: *Не завести бы взвод прямо немцам в лапы* (В. Кондратьев).

Содержательный контакт инварианта и вариантов строится на основе аддитивного принципа, предполагающего своеобразное сложение первого со вторыми [1]. В этом случае новое модальное значение добавляется к данному, не трансформируя его.

Специфической чертой дебитивного предложения является то, что и инвариантное значение необходимости, и вари-

антные модальные значения не получают специального лексического выражения. Для экспликации модальных значений этими структурами используются самые разнообразные средства, в том числе морфологические категории вида и наклонения, синтаксическая категория утверждения-отрицания, лексические значения инфинитивов, частицы.

Следующая особенность дебитивного предложения связана с тем, что в качестве необходимых им трактуются не изолированные семантические объекты, а целые «положения дел», семантическим коррелятом которых в языке выступают небазисные пропозиции. Последние строятся на основе инфинитива, являющегося аналогом сказуемого и предполагающего реализацию аналога подлежащего – имени в дательном падеже: *Вот еще бы научиться ей, Родине-то моей, и народу, ее населяющему, себя жалеть и любить* (В. Астафьев). Каждый из составляющих небазисных пропозиции дебитивного предложения обладает собственным набором средств выражения и рядом специфических особенностей. Используемые в предложениях других разрядов такие средства номинации небазисных пропозиций, как девербативные и деадъективные пропозитивные имена существительные, анафорические местоимения, придаточные изъяснительные, здесь становятся невозможны.

Употребление второстепенных членов в дебитивном предложении не обнаруживает отклонений от общих правил. Можно лишь отметить, что набор их просто сокращен. Дебитивные предложения в силу своей специфики теснее, чем какие-либо другие предложения, связаны с ситуацией, сопутствующей речевому акту. Говорящий, не испытывая «информативного голода», сплошь и рядом опускает второстепенные члены, добиваясь поддержки за счет контекста и речевой ситуации.

Что касается речевого использования дебитивных предложений, в отличие от других односоставных предложений данные высказывания не вездесущи. Они активно используются в устно-разговорной и в стилизующей последнюю художественно-публицистической речи, но в каждой из них проявляют себя по-разному. Отметим высокий прагматический потенциал дебитивного предложения. Эти высказывания позволяют говорящему представить необходимую ситуацию как не зависящую от его воли, не контролируемую им: *Не отвязать неприкрепленной лодки, Не услышать в меха обутной тени, Не превозмочь в дремучей жизни страха* (О. Мандельштам).

Литература

1. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.

Синтаксические словари славянских языков: от словаря управления – к словарю синтаксических моделей

С. А. Важник

Белорусский государственный университет (Беларусь)

Синтаксический словарь, модели валентности.

Summary. In article the typology of syntactic dictionaries of slavic languages is resulted. On the general Slavic background traditions of creation of Russian syntactic dictionaries are described.

1. С начала 80-х гг. в славистике наблюдается своеобразный «лексикографический бум», связанный с созданием валентностных / дистрибутивных словарей глаголов. Прослеживается также тенденция лексикографического описания глаголов в сопоставительном плане.

2. Типология синтаксических словарей (СИС) может быть представлена следующим образом: а) **одноязычные / двуязычные / полиязычные словари** – с учетом объема описываемого материала; б) **словари глаголов / словари других частей речи** (см.: П. П. Шуба. Толковый словарь белорусских предлогов. Минск, 1993) / **словари синтаксических единиц** – с учетом специализации СИС (объекта описания); в) **валентностные** (в том числе и **словари управления**) / **дистрибутивные / валентностно-дистрибутивные / синтаксическо-генеративные / дистрибутивно-трансформационные** и др. – с учетом предмета описания; г) **семантико-синтаксические / синтаксическо-семантические** – с учетом подхода к описанию синтаксических единиц; д) характеристика концепции (методологической основы) СИС.

3. **Атрибуция существующих одноязычных СИС.** Приоритет в создании СИС принадлежит Г. Хельбигу и В. Шенкелю. См.: Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig, 1969 [Helbig, Schenkel 1969]. *Словарь валентности и дистрибуции немецких глаголов:* а) одноязычный; б) глагольный; в) валентностно-дистрибутивный; трехуровневый: 3 модели валентности: 1) количественная (логическая); 2) синтаксическая; 3) семантическая; г) синтаксическо-семантический; д) теория валентности в интерпретации Л. Теньера, критика теньеровского подхода.

Идея учета разных уровней валентности, реализованная в [Helbig, Schenkel 1969], позволяет уточнить типологию СИС: выделять словари **одно-, двух-, трех-, четырехуровневые** – в соответствии с **одно-, двух-, трех-, четырехуровневыми моделями валентности**.

3.1. **Одноуровневые словари.** К одноуровневым валентностным словарям отнесем также **словари управления**, в которых описывается синтаксическое окружение глагольных предикатов только на одном из уровней – **формально-**

грамматическом (см.: Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: Словарь-справочник. М., 1986). При этом отметим, что функционирование глагольного предиката не ограничивается типом управления (см. позиции 3.2–3.5).

3.2. Двухуровневые словари.

1) Słownik syntaktyczno-generatywny czasowników polskich / Pod red. K. Polańskiego. T. 1–5. Wrocław, 1980–1992 [SP 1980–1992]: а) одноязычный (около 7 тыс. польских глаголов); б) глагольный; в) синтаксическо-генеративный; 2 уровня: 1) формально-грамматический; 2) категориально-семантический; г) синтаксическо-семантический; д) генеративная грамматика.

2) Интенцијално-синтаксически речник на македонските глаголи. Скопје, 1990 [Интенцијално 1990]: а) одноязычный; б) глагольный; в) интенцијално-синтаксический; 2 уровня: 1) формально-грамматический; 2) категориально-семантический; г) синтаксическо-семантический; д) теория валентности в интерпретации Г. Хельбига и В. Шенкеля; концепция [SP 1980–1992].

3.3. Трехуровневые словари.

1) Kawka M. Słownik syntaktyczno-semantyczny czasowników polskich: Czasowniki bezprzedrostkowe. Kraków, 1980 [Kawka 1980]: а) одноязычный (более 600 польских глаголов); б) глагольный; в) 3 уровня: 1) формально-грамматический; 2) логико-семантический; 3) категориально-семантический; г) синтаксическо-семантический; д) семантический синтаксис; надежная грамматика в интерпретации Ч. Филлмора, У. Чейфа, Дж. Плата, А. Беккера.

2) Svozilová N., Prouzová H., Jirsová A. Slovesa pro praxi: Valenční slovník nejčastějších českých sloves. Praha, 1997

[Slovesa pro praxi 1997]: а) одноязычный; б) глагольный; в) валентностный; 3 уровня: 1) логико-синтаксический; 2) формально-грамматический; 3) категориально-семантический; г) синтаксическо-семантический; д) теория валентности; концепция СИС Г. Хельбига, В. Шенкеля, К. Полянского, М. Поповой.

3.4. Четырехуровневые словари.

1) Попова М. Кратък валентен речник на глаголите в съвременния български книжовен език. София, 1987 [Попова 1987]: а) одноязычный (около тысячи наиболее частотных болгарских глаголов); б) глагольный; в) валентностный; 4 уровня: 1) логико-синтаксический; 2) формально-грамматический; 3) категориально-семантический; 4) лексический; г) синтаксическо-семантический; д) теория валентности в интерпретации Л. Теньера, Г. Хельбига, В. Шенкеля.

3.5. Словари синтаксических единиц.

Приоритеты русской синтаксической науки – в создании **словарей синтаксических единиц**: синтаксем (Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988); синтаксических моделей предложения (Семантические модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтаксический словарь: Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998; Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002).

4. В связи с тем, что в СИС описывается принципиально новый для лексикографической практики материал, авторы СИС вынуждены были разработать лексикографические параметры, которые существенно отличаются от параметров классических (толковых и переводных) словарей. Ср.:

Уровень параметризации	[Helbig, Schenkel 1969]	[SP 1980–1992]	[Интенцијално 1990]	[Kawka 1980]	[Slovesa pro praxi 1997]	[Попова 1987]
1) логико-синтаксический	+ (1)				+ (1)	+ (1)
2) логико-семантический				+ (2)		
3) категориально-семантический	+ (3)	+ (2)	+ (2)	+ (3)	+ (3)	+ (3)
4) формально-грамматический	+ (2)	+ (1)	+ (1)	+ (1)	+ (2)	+ (2)
5) лексический						+ (4)

Наиболее продуктивными уровнями параметризации являются *формально-грамматический* (6) и *категориально-семантический* (6). Они представлены во всех шести СИС. Вторая по «продуктивности» группа представлена *логико-синтаксическим* уровнем: учет в 3-х словарях. Третью «рейтинговую» группу составляют *логико-семантический* (1) и *лексический* (1) уровни.

«Наборы» лексикографических параметров полностью совпадают в [Helbig, Schenkel 1969] и [Slovesa pro praxi 1997], а также частично в [Попова 1987]. На уровне предмета описания совпадают [SP 1980–1992] и [Интенцијално 1990]. На общетеоретическом фоне выделяется словарь

М. Кавки [Kawka 1980], в котором представлен *логико-семантический* уровень описания, что обусловлено концептуальной основой словаря – ориентацией автора на достижения *семантического синтаксиса* в версии *надежной грамматики*. Исключение в плане концептуальной основы составляет также [SP 1980–1992], ориентированный на традиции *генеративной грамматики*. В основном же методологической базой синтаксических глагольных словарей признается *теория валентности* в интерпретации Л. Теньера, Г. Хельбига и В. Шенкеля. Отметим также, что [Helbig, Schenkel 1969] является наиболее авторитетным источником, на который ориентируются и авторы других СИС.

Простое – осложненное – сложное (к типологии предложений с вводными и вставными элементами)

Н. Л. Васильев

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск

Вводные и вставные элементы, монопредикативность / полипредикативность, простое и сложное предложение

Summary. The paper is devoted to differentiation of simple and compound sentences with parenthetical clauses in their structures.

1. Предложения, осложненные вводными и вставными элементами (далее – ВЭ), рассматриваются в современных грамматиках в разделе «Простое предложение» (академическая грамматика 1952 – 1954 гг., А. Г. Руднев, Д. Э. Розенталь, А. Н. Гвоздев, Н. С. Валгина, В. В. Бабайцева, Е. С. Скобликова, В. П. Малащенко и др.), следовательно как простые по своей синтаксической структуре. Между тем далеко не все из них являются с формальной точки зрения таковыми; нередко «простые предложения» осложняются вводными предложениями или вставными фразами

(конструкциями), что делает их полипредикативными синтаксическими единицами. Ср.: *Он, наверное, придет; Он, (я) думаю, придет*. В первом случае перед нами, действительно, простое предложение с вводным словом; во втором уже не простое, поскольку содержит две грамматические основы. Итак, даже элементарные вводные предложения не просто осложняют структуру «простого предложения», а фактически трансформируют ее в полипредикативное высказывание. При этом можно наблюдать и такое явление, как осложнение самого вводного предложения вну-

тренним вводным словом, например: *Григорий Александрович, я уже, кажется, говорил, страстно любил охоту...* (М. Ю. Лермонтов). Тем более сказанное касается однородных и сложных по структуре (полипредикативных) ВЭ, напр.: *По насту (он невозмутимо гладок), / По снегу (он тяжел и слишком тих) / Гидрологи выходят из палаток* (Р. И. Рождественский); *Собравшиеся (в числе их присутствовал старый буфетчик, по прозвищу Дядя Хвост, к которому все с почтением обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да! да, да, да!) начали с того...* (И. С. Тургенев).

2. Почему же в таком случае подобные речевые явления анализируются большинством синтаксистов в ряду примеров реализации простого предложения? (Заметим, что ответ на этот естественный вопрос, к сожалению, не дается в современных грамматиках.) Причин данного теоретического противоречия, по крайней мере, две. Во-первых, методическое удобство рассмотрения всех типов ВЭ одновременно, т. е. при первом упоминании о них, следовательно при изучении простого предложения. Во-вторых, убежденность некоторых лингвистов в том, что вводные предложения и вставные конструкции не являются полноценными предикативными единицами и поэтому не образуют сложных предложений.

Первое обстоятельство, безусловно, нужно принять во внимание, но оно никак не может служить основанием для позиционирования всех предложений с ВЭ как простых по своей структуре. Это противоречит научной и методической (школьной, вузовской) практике квалификации типа предложения путем вычленения количества его грамматических основ и установлению их связи друг с другом.

Мнение относительно предикативной ущербности, «ослабленной коммуникативной функции» вводных предложений и вставных конструкций (Н. М. Баженов, М. В. Ляпон, И. Н. Кручинина и др.) оспаривается рядом ученых (Е. С. Скобликова, В. В. Бабайцева и др.), т. е. не является господствующим в современной науке. Так, Е. С. Скобликова пишет, что «вводные предложения – конструкции с самостоятельным предикативным центром – со своими главными членами...», а вставные конструкции «прерывают начатое предложение добавочными предложениями...» (Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 236–237). В любом случае при анализе речевых явлений мы должны исходить из единого принципа характеристики высказываний, формально-логического подхода к структуре фразы, выявления в ней оппозиции монопредикативность / полипредикативность.

3. Еще одной возможной причиной рассматриваемого методологического парадокса является, на наш взгляд, инерционность грамматической теории, выделяющей только три основных типа сложных предложений (с сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью). Между тем наука в любых своих проявлениях дает нам не только новые факты, требующие теоретического осмысления, но

и разумные возможности для трансформации самой теории, с тем чтобы последняя универсально и адекватно объясняла сами факты, тем более не противоречила им.

4. Напрашивается вывод, что «простые предложения», содержащие предикативные ВЭ, образуют особую разновидность сложных предложений, которую необходимо терминировать, описывать, изучать и, главное, структурно и методически позиционировать в теме «Сложное предложение».

5. Имплицитно многие синтаксисты ощущают несоответствие традиционной теории простого и сложного предложения рассматриваемым речевым фактам, что непосредственно отражается в метаязыке описания высказываний, содержащих ВЭ. Стремясь обособить полипредикативные фразы с ВЭ от обычных типов сложных предложений, исследователи, начиная с авторов первой академической грамматики, используют термин «основное предложение», – стараясь, с одной стороны, подчеркнуть, что между частями таких высказываний нет привычной формально-структурной соотнесенности (сочинительной, подчинительной или бессоюзной связи), а с другой, не упустить из виду полипредикативность подобных высказываний.

6. Обращение к истории данного вопроса показывает, что отечественные языковеды прошлого, например А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, рассматривали предложения с ВЭ как сложные по своей структуре, с особой зависимостью ВЭ от «главного предложения». Так, А. Х. Востоков писал: «Между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным <...>» (Русская грамматика... СПб., 1831. § 111).

Некоторые современные ученые квалифицируют синтаксическую связь ВЭ с «основным предложением» как «сравнительно слабую» (А. Н. Гвоздев), но тем не менее специфическую соотнесенность одной предикативной единицы с другой в составе целого высказывания. В. В. Бабайцева, в частности, констатирует, что «исследования последних лет» выявили «лексико-семантические и грамматические средства, осуществляющие связь вводных и вставных компонентов с основной частью высказывания» (Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979. С. 179).

7. Таким образом, высказывания, содержащие предикативные ВЭ, необходимо рассматривать в ряду сложных предложений с особым видом грамматической связи между их основными бинарными частями, которую можно именовать, вслед за А. Г. Рудневым, «соотносительной» или назвать **синтаксической координацией**; а сами подобные высказывания следует относить к четвертому (синкретическому с точки зрения наличия или отсутствия союзных средств связи) типу сложных предложений, обозначенному, например, термином **сложные предложения с вводно-вставной предикативностью**. В таком случае удастся избежать методологического и методического противоречия в анализе подобных высказываний.

Опыт представления типовой ситуации (на примере ТС платы)

Е. Н. Виноградова, А. В. Ситарь, С. А. Важник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Донецкий национальный университет, Белорусский государственный университет
Функционально-коммуникативная грамматика, типовая ситуация, денотативная структура, модели предложений, сопоставительный аспект

Summary. In the abstract the typical situations as a basic of teaching language for foreigners is regarded. The typical situation is also a useful instrument to comparative analysis. Particular study is devoted to the typical situation of payment.

В практике преподавания языка как иностранного, а также при сопоставлении языков на синтаксической основе одним из ключевых является понятие типовой ситуации (ТС). Функционально-коммуникативная грамматика (М. В. Всеволодова) рассматривает ТС как определенную формулу, закрепленную в нашем сознании в виде совершенно определенного состава компонентов, – и не просто состава, а конфигурации этих компонентов, структуры образов. ТС является лингвистической универсалией, она отражает ситуацию, находящуюся в сознании у носителя любого языка. Именно поэтому определение набора компонентов для каждой ТС, описание их отношений, выявление средств выражения компонентов является актуальной задачей, позволяя обу-

чать языку, исходя из общего для всех языков инварианта. С другой стороны, описанная указанным образом ТС является базой для сопоставления языков, так как при подобном подходе сравниваются средства выражения одного и того же смысла (в частности, одного и того же компонента ТС).

В задачи совместного проекта лингвистов МГУ им. М. В. Ломоносова, Донецкого национального университета и Белорусского государственного университета входит описание типовых ситуаций и моделей предложения. Первой была рассмотрена ТС платы, для которой были изучены традиционно выделяемые в группе ТС передачи объекта денотативные роли: акциональный предикат, донатор (протaгонист), донатив (пациент), адресат (реципиент), а также

роли, специфичные для ТС платы: финитив, контроллер, инструмент, посредник. Например, в предложении *Смирдин платил Пушкину по 11 р. за стих и 1000 заплатил за «Гусара»* (В. Вересаев) два акциональных предиката *платил* и *заплатил*, донатор *Смирдин*, два донатива *по 11 рублей* и *1000*, реципиент *Пушкин*, два финитива *за стих* и *за «Гусара»*. В качестве примера контроллера можно привести синтаксему *по преискуранту*, посредника – *через банк*, инструмента – *по кредитной карточке*.

Среди акциональных предикатов для анализа были взяты пять основных глаголов с корнем *–лат–*: *платить, заплатить, оплатить, расплатиться, выплатить*. Наш материал показал, что употребление этих глаголов зависит, в том числе, и от типов донатива и финитива. Так, глаголы *расплатиться* и *оплатить* не употребляются с количественно охарактеризованным донативом (**расплатился, оплатил 100 рублями*).

Донатор и адресат – это своего рода релянты, в ТС платы протагонистом является «тот, кто платит». Для этих ролей важным оказалось противопоставление физическое лицо vs. юридическое лицо. «Появление» юридических лиц повлекло за собой необходимость в новых компонентах ситуации, новых денотативных ролях, таких как: контроллер, посредник и инструмент.

Теснейшим образом оказались связанными донатив и финитив, это, по нашим наблюдениям, наиболее сложно семантически организованные роли, они потребовали создания собственной типологии. Для типов донатива оказалось возможным построить бинарную классификацию, причем первый ранг деления основывается на противопоставлении типов финитива: плата за материальный объект vs. плата за действие (ср. *расплатиться за книгу рублями* и *расплатиться за работу натурой*). Другими основаниями для классификационного деления явились качественная vs. количественная характеристика донатива (*заплатил наличными* и *заплатил 100 рублей*), субъективная vs. объективная характеристика донатива (*заплатил кровные деньги, заплатил огромную сумму* и *заплатил 1000 рублей, заплатил валютой*).

Правомерность подобной системы подтверждается тем, что средства, служащие для выражения того или иного типа донатива, различаются. Так, только для субъективно, качественно охарактеризованного донатива нейтрализуются

формы $N_{тв}$ и $N_{вин}$ (*заплатил кровными деньгами – заплатил кровные деньги*).

При описании финитива выяснилось, что уже на денотативном уровне различаются финитив-штраф и финитив-поощрение. Так, в случае финитива-штрафа донатор платит за свои действия, а в случае финитива-поощрения донатор платит за действия других лиц (ср. *заплатил штраф за нарушение правил дорожного движения* и *заплатил премию за отличную работу*).

ТС платы «обросла» такими ролями, как контроллер, посредник и инструмент, как представляется, это связано с эволюцией платежных средств, с появлением новых реалий. Интересно, что в нашем корпусе примеров отсутствуют предложения, в которых бы одновременно выражались три указанных роли. В то же время для выражения этих ролей характерны большие синонимические ряды (ср. контроллер: *заплатил по счету – на основании счета – согласно счету – согласно счета – согласно со счетом – соответственно счету – соответственно счета – соответственно со счетом – в соответствии со счетом*; инструмент: *расплатился кредитной карточкой – с помощью кредитной карточки – по кредитной карточке* и т. п.).

После выявления всех ролей и их типов был проведен сопоставительный анализ средств выражения в трех восточнославянских языках: русском, украинском и белорусском. Оказалось, что, несмотря на большую пласт совпадений, есть и ряд отличий, особенно в области выражения наиболее динамично развивающихся ролей – контроллера, посредника и инструмента (ср. русск. *заплатил через банкомат – с помощью банкомата – при помощи банкомата*, белорусск. *заплаціў праз банкамат – з дапамогай банкамата – пры дапамозе банкамата*; укр. только *заплатив через банкомат – за допомогою банкомата*, но не **з допомогою банкомата*, **при допомозі банкомата*).

Таким образом, ТС является важнейшим инструментом в преподавании языка как неродного, позволяя «отталкиваться» от смысла, при том смысле, упорядоченного в определенную конфигурацию, систему. Ранжированность средств выражения от ядерных до периферийных также дает возможность использовать их при обучении инофонов, владеющих изучаемым языком на разных уровнях. С другой стороны, ТС может являться эффективным средством и основой для сопоставительного описания языков.

Опыт сравнительного анализа описательных предикатов в русском и белорусском языках

В. В. Воронович

Белорусский государственный университет

Описательный предикат, экспликатор, сравнительный анализ, русский язык, белорусский язык

Summary. The report contains a comparative analysis of descriptive predicate at different levels of language system in Russian and Belarusian.

По данным М. В. Всеволодовой, описательные предикаты (ОП) как особый тип синтаксической конструкции присутствуют во многих, если не во всех языках мира, таким образом, они фактически имеют статус лингвистической универсалии. Белорусский и русский языки, имея общее происхождение, на протяжении многих столетий развивались в тесном взаимодействии, потому в языках присутствуют общие черты на всех уровнях, в том числе и на синтаксическом. Описательные предикаты в названных языках имеют как сходства, так и различия.

1. На уровне составных частей (глагола-экспликатора и именной части) описательные предикаты в русском и белорусском языках образуются сочетанием определенной группы глаголов и широкого набора существительных (а также некоторых прилагательных): *выразить удовольствие – выразить задавальненне, происходит распад – адбываецца распад*. Однако в белорусском языке некоторые экспликаторы, широко используемые в русском, употребляются в весьма ограниченном количестве. Это, прежде всего, глаголы, которые наиболее десемантизируются в составе описательных предикатов: *производить, подвергать, совершать* и др. Так, глагол *подвергать* в белорусском языке имеет соответствие *падвяргаць*, но обычно русские описательные предикаты,

имеющие в составе глагол *подвергать*, соотносятся лишь с глаголом, который имеет тождественное сочетанию значение: *подвергать пытке – катаваць, подвергать критике – крытыкаваць*. Иногда описательные предикаты в русском языке соотносятся с белорусскими описательными предикатами, имеющими близкую, но не тождественную семантику, и их обычно несколько: *производить ремонт – выконваць (рабіць) рамонт, производить переполох – выклікаць (рабіць) перапалох*. Однозначного соответствия глаголу *производить* в белорусском языке нет.

2. На уровне предложения в белорусском языке более распространены описательные предикаты предикативного типа (по классификации М. В. Всеволодовой – ОП-2), где именная часть описательного предиката на формальном уровне занимает позицию подлежащего: *У гэты час адбываецца змена дыпламатычнай тэрміналогіі*. Такие ОП чаще выражают значение состояния: *охватила радость – ахапіла радасць*. В русском же языке такое же широкое распространение имеют и ОП-1, в которых существительное выступает в роли дополнения: *производить нагревание, впасть в отчаяние*. Заметим, что в обоих языках по модели ОП-2 образуются сочетания, сходные по строению с описательными предикатами, но не имеющие однословного коррелята: *Про-*

изошло короткое замыкание – *Абдылося кароткае замыкание*. В таких предложениях часто отсутствует логический субъект.

3. На уровне текста существуют некоторые ограничения на использование ОП в белорусском языке. Так, в научных текстах и официальной документации описательные предикаты имеют широкое распространение, но в литературных произведениях и разговорной речи они употребляются в ограниченном количестве, язык избегает усложнения конструкции предложения. Так, в русской литературной речи употребительно выражение *задать вопрос*, в белорусском же языке описательный предикат *задаць пытанне* имеет стилистическую окраску и в литературном тексте скорее будет употребляться однословный эквивалент *спытаць*. В то же время ОП с эмоциональной коннотацией (изобразительные ОП) употребляются широко: *сунуць ногі (тацціць ногі, ідці), сыпаць праклёны (сыпаць проклятия, проклинать)*.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что описательные предикаты как особая синтаксическая конструкция в белорусском языке распространены несколько меньше, чем в русском. Объяснить это можно более

поздним развитием белорусского литературного языка – этот процесс происходил в конце XIX – начале XX века, современный русский литературный язык на то время уже был достаточно развит. Однако научный и официально-деловой стили в белорусском языке имеют более глубокую письменную традицию (как известно, вся документация в Великом княжестве Литовском велась на старобелорусском языке), видимо, поэтому в текстах этих стилей описательные предикаты употребляются достаточно широко.

Литература

1. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной педагогической модели языка. М., 2000.
2. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
3. *Міхневіч А. Я.* Сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні ў сучаснай беларускай мове. Минск, 1965.
4. *Кузьменкова В. А.* Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М, 2000.

Инвариант содержания и парадигматика предложения

М. В. Всеволодова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

1. Системный характер языка и само его совершенство говорят о наличии в языке определенных структур и механизмов, которые обеспечивают оптимальное построение наших речевых образований и функционирование языковых единиц при решении наших коммуникативных задач. Но совершенство языка мы пока можем представить только в виде достаточно сложных теоретических построений. В частности, по отношению к предложению это проявляется в необходимости выделять несколько уровней предложения и систему его парадигм, в определении основных предложенческих категорий и факторов, влияющих на конкретную реализацию высказывания. Наш материал показал, что одно «базовое» предложение может дать – без изменения корневых морфем (но, разумеется, с изменением частеречной принадлежности и членопредложенческого ранга слов, его формирующих) более ста различных реализаций. Тем не менее, сами предложения – центральная единица синтаксиса – имеют свои константы, причем не только формальные. Все классификации предложений в традиционных грамматиках нацелены на одну дидактическую (но, скажем, схоластическую) задачу: научить учащегося **анализировать** формальную устроенность готового предложения. Нам необходимо решить другую, **прагматическую** задачу: научить человека, для которого русский (украинский, белорусский) язык является неродным, **продуцировать** тексты из предложений, адекватных конкретному дискурсу. В отличие от традиционного основой нашего подхода является содержательный аспект предложения, или его **содержательный инвариант**.

2. Наши наблюдения показали, что содержательный инвариант предложения формируется – в зависимости от типа предиката – определенным набором участников: актантов и сирконстантов, т. е., денотативными ролями, причем, в отличие от падежной грамматики, принимающей во внимание только основные члены предложения, мы не связываем набор участников (участников ситуации) с членопредложенческими позициями их имен в предложении. Поэтому наш подход правильнее называть – в этом аспекте – ролевой грамматикой. Вместе с тем, каждый такой инвариант, независимо от степени уникальности и оригинальности передаваемого события, представляет собой отображение некоторого «типизированного события» (термин Н. Д. Арутюновой). Мы назвали этот уровень денотативным, передаваемое событие «типовой ситуацией», а конфигурацию предиката и участников «денотативной структурой». Как показал наш опыт, типовая ситуация и набор ее участников (то есть, содержательный инвариант) есть лингвистическая универсалия и тождественны во всех языках независимо от формы их представления и типа языка. Иконической формой представления содержательного инварианта («базовым

предложением») является изосемическая (термин Г. А. Золотовой) изоморфная конструкция, которая, как правило, имеет свой формальный коррелят (не обязательно синтаксически тождественный) во всех языках. Каждая такая модель и в ряде случаев ее актуализационные (см. ниже) реализации имеют свое типовое значение – семантический уровень предложения (семантическая структура).

3. Основными грамматическими категориями высказывания можно считать категорию предикативности (В. В. Виноградов), категорию предикации, или предикирования (термин П. А. Леканта), теснейшим образом связанную с актуальным членением и очень важную в славянских языках, и категорию членов предложения, функция которых в славянских языках принципиально отличается от функции этой категории в нефлексивных языках. В славянских языках члены предложения – это иерархизованная система коммуникативно значимых позиций. Члены предложения могут быть определены на основе общих критериев: позиции в структуре предложения, частей речи, способных занять эту позицию и форм частей речи, в которых слова могут занять эту позицию.

4. Каждое базовое предложение является центром своего рода полевой структуры – **системы парадигм предложения**. Мы выделяем семантическую (семантическое поле предложения Г. А. Золотовой) и коммуникативную парадигмы. Коммуникативная парадигма представлена двумя подтипами, обеспечивающими оптимальное решение наших коммуникативных задач: **актуализационной** и **трансформационной** (интерпретационной в терминах В. А. Белошапковой) парадигмами. Актуализационная парадигма представляет собой основные типы изменений, связанных с актуальным членением предложения, своего рода типологию механизмов, с одной стороны, тематизации и рематизации словоформ как в нерасчлененном, так и в расчлененном типе предложения, объясняющие как появление именительного темы (и его аналогов) так и парцелляцию, а с другой – механизм предикирования, обусловленный спецификой русских (славянских) словосочетаний и других поликомпонентных (например, предложных) образований. Трансформационная парадигма включает несколько основных типов перефразировок: 1) использование дескрипций со строевыми словами (описательные предикаты и их аналоги): *Я стираю – Я занимаюсь стиркой; Весь вечер говорили – Весь вечер прошел в разговорах* (Г. К. Воробьева); 2) конверсивы, в том числе страдательные обороты, но и: *Я восхищаюсь Пушкиным – Меня восхищает Пушкин*; и 3) трансформации по моделям с другим типовым значением, то есть, фактически синтаксическая метафора: *Мальчик бегло читает – У мальчика беглое чтение по модели У Маши голубые глаза*.

К лингвистической теории сравнения

Н. М. Девятова

Московский городской педагогический университет

*Сравнение, диктумно-модусная организация, когнитивная сущность, текстовые функции***Summary.** Comparison is dictum-modus structure defining its cognitive nature and communicative function.

Сравнение в языке, призванное снизить смысловую неопределенность предмета сравнения, будучи познавательной операцией, представляет собой когнитивную структуру, в лингвистическом механизме которой отражается как сама объективная реальность (то, что сравнивается), так и говорящий (сравнивающий субъект).

Представленные разнооформленными единицами, каждая из которых выражает некий общий сравнительный смысл, сравнительные конструкции могут быть описаны на основании общих лингвистических характеристик, структурирующих синтаксическое поле сравнения. Каждая из единиц такого поля действует в соответствии с правилами системы и вместе с тем представляет операцию сравнения единственного присущим ей способом. Изучение каждой из сравнительных конструкций призвано не только определить ее место в системе сравнения, но и типологические признаки сравнения, прояснить механизм действия самой системы.

В основе предлагаемой лингвистической теории сравнения лежит подход к сравнению как структуре определенной диктумно-модусной организации, определяющей не только коммуникативные потенции сравнения, но и его когнитивную сущность.

Сравнительные конструкции русского языка рассматриваются как диктумно-модусная организация, определяющая не только коммуникативные потенции сравнения, но и когнитивную сущность сравнения как единицы, через которую отражается познавательная деятельность человека.

Будучи единицей текста, сравнительная конструкция представляет собой отдельную текстовую организацию, отдельные фрагменты того или иного коммуникативного регистра, а его текстовые категории составляют отличительные признаки сравнения разных типов. Так, лишь некоторые типы сравнения (конструкции с союзом КАК, *похож*, творительный сравнительный могут иметь изобразительные текстовые реализации (о минимальных текстовых фрагментах, или коммуникативных регистрах см. [Золотова, 1998]). Ср.:

Серый лакей поспешно хлопнул каретною дверцею. Карета стремительно пролетела в туман; и случайный квартальный, потрясенный всем виденным, долго-долго глядел чрез плечо в грязноватый туман – туда, куда стремительно пролетела карета; и вздохнув, и пошел; скоро скрылось в тумане и это плечо квартального, как скрывались в тумане все плечи, все спины, все серые лица и все черные, мокрые зонты (А. Белый).

Его чеховское пенсне окружало черными ободками два опущенных глаза с веками, очень похожими на этот подборок-подковку (В. Набоков).

Ящерицами бегали по речной воде отражения золота и белого камня (Б. Пастернак).

Модусный субъект в таких конструкциях предстает как субъект-наблюдатель. Другие сравнительные конструкции (объекты сравнения которых не присутствуют одновременно в наблюдаемой действительности) в зависимости от типа референции компаратора дают информативную или генеритивную текстовую реализацию, в которых говорящий предстает как субъект знания или познания. Ср.:

Холод, сосны, звезды в ноябре. Поцелуй наши на дворе. Как в тумане яркие огни, В памяти сияют эти дни (Н. Рубцов) – генеритивный регистр.

Сравнения модального типа (с союзами БУДТО, КАК БУДТО, ТОЧНО, СЛОВНО), противопоставляются другим сравнительным конструкциям тем, что в них модусный субъект предстает как субъект гипотетической идентификации. Такие конструкции отличаются не только значением гипотетической модальности, особым имперфективно-фактическим видо-временным значением, но и тем, что говорящий предстает в них как носитель субъективной точки зрения. Ср.:

Раньше я думал, что Земля плоская, как будто блин, но потом Ольга Николаевна сказала, что она круглая, как шар (Н. Носов).

Представляя фрагменты информативного регистра, сравнительные модальные конструкции различаются особыми

модусными рамками и представляют разные реализации модусного субъекта. Особые модусные рамки ярче всего проявляются в субстантивных сравнительных оборотах, где союз соединяется с существительными, называющими потенциально наблюдаемый признак. Союз КАК БУДТО выражает в чистом виде значение гипотетической идентификации, тогда как при БУДТО говорящий предстает как субъект неясного, неточного впечатления и может быть представлен при помощи модусной рамки «мне кажется», ТОЧНО осуществляет сравнение на основании общности производимого впечатления «перфектного» признака, тогда как СЛОВНО имеет модусную рамку «представить» и представляет сравниваемую ситуацию в совокупности всех ее наблюдаемых признаков. Модусное значение СЛОВНО включает не только говорящего, но и вводит в свою орбиту другого модусного субъекта – слушателя.

В структурах сложного предложения с модальными союзами наряду с идентифицирующим значением выражается и значение гипотетической причины.

Изучение сложного предложения и некоторых других сравнительных структур ставит перед исследователем проблему устройства синтаксического поля сравнения. Центр сравнительной системы должны составить единицы, в которых отчетливо выражены не только объекты сравнения, но и общий признак сравнения. Степень его определенности / неопределенности может служить одним из критериев, позволяющих провести границу между центром и периферией синтаксического поля сравнения.

Во многих структурах сложного предложения оказывается недостаточно четко выражен «предмет сравнения» – местоименный компонент ТАК, ТАКОЙ характеризуется «недоопределенностью» значения. На этом основании сравнительная семантика таких конструкций может быть поставлена под сомнение.

Конструкции придаточного предложения через обращение к некоей гипотетической причине восполняют здесь смысловую недостаточность главной конструкции. С типичным сравнением такие конструкции сближает лишь то, что ситуация придаточного предложения не имеет места в объективной действительности. Границы между конструкциями, имеющими одинаковую технику оформления, детерминируются степенью «недоопределенности» «предмета сравнения». Действие сравнения проявляется там, где степень такой определенности достаточно высокая, в остальных случаях мы имеем дело с проявлением другого языкового механизма – механизма идентификации. Такая функция особенно ярко проявляется у единиц *похожее*, *подобное*, *вроде*, выступающими в соединении с неопределенными местоимениями или другими показателями неопределенности. Ср.:

Разменявшись поклонами с господами офицерами и садясь в карету, Санин, правда, ощущал во всем существе своем если не удовольствие, то некоторую легкость, как после выдержанной операции, но и другое чувство зашевелилось в нем, похожее на стыд... (Тургенев).

Придаточное предложение с модальными союзами обладает и другой важной характеристикой – способом отражения точки зрения, а также степенью глубины проникновения в объект. Если КАК БУДТО, ТОЧНО, СЛОВНО связаны с отражением одной, внешней точки зрения, то союз БУДТО, н-р, при передаче состояния, выявляемого по его внешнему проявлению, представляет собой механизм «замещения» точки зрения субъекта диктума точкой зрения субъекта модуса. Ср.:

Она смотрела на него пристально, будто стараясь разглядеть его в далекой перспективе (А. Битов).

При отражении единственной точки зрения когнитивные особенности КАК БУДТО, ТОЧНО, СЛОВНО проявляются в степени проникновения в сущность объекта. Самой высокой степенью характеризуется СЛОВНО. Например:

Лицо князя так стремительно обледнело, словно кто-то мазнул по лбу и щекам кистью, обмакнутой в свинцовые белила (Б. Акунин).

Проведение границ синтаксического поля сравнения и единиц других значений, оформленных с помощью той же синтаксической техники определяются такими признаками сравнительной конструкции, как достаточно высокая степень определенности предмета сравнения. Каждая же из сравнительных конструкций при этом, как показал прове-

денный нами анализ, представляет собой особую диктумно-модусную структуру, задающую свою область сравнения, в которой в зависимости от показателя сравнения по-разному реализуется модусный субъект, что и определяет когнитивную сущность каждой из сравнительных моделей и ее текстовые функции.

Полипропозитивные и полиситуативные структуры в сфере простого предложения

Н. А. Дьячкова

Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Екатеринбург

Полипропозитивный, полиситуативный, предикат, изосемический, присубъектный

Summary. Constructions of an ambivalent nature are distinguished. They combine attributes of both simple and complex sentences.

Полипропозитивные полиситуативные предложения типа *К сонному попу на исповедь не ходят* (посл.); *На сорной-то земле не взойти пшенице* (М. Горький) включают в свой состав т. н. неопускаемый (неэлиминируемый) определитель, находящийся в присубъектной позиции. Неопускаемость определителя проявляется в том, что без него предложение перестает быть автономной самодостаточной единицей. Ср.: **К попу на исповедь не ходят*; **На земле не взойти пшенице*. Неопускаемое определение, как видно из примеров, занимает позицию при субъекте, характеризует его. При этом одно свойство субъекта поставлено в зависимость от наличия у него другого признака, свойства. Ср.: *Если земля сорная, то на ней пшенице не взойти!* Такие отношения мы определяем как отношения потенциальной обусловленности двух свойств одного субъекта. Таким образом, в простых по структуре предложениях заключен объем информации, изосемическим способом выражения которой является сложное предложение класса обусловленности. Это конструкции, обладающие амбивалентной природой, – они совмещают в себе признаки простого и сложного предложений. Несоответствие между планом содержания и планом выражения позволяет квалифицировать данные структуры как асимметричные (полипропозитивные и полиситуативные). Данные конструкции в содержательном плане характеризуются одной особенностью: они представляют собой сентенции – суждения на нравственно-этические темы. Это аксиологические суждения: пословицы и поговорки, авторские изречения («реальные» и «потенциальные» афоризмы), библейские паремии.

Основным фактором, определяющим специфику данных конструкций, является семантический тип предиката. Это предикат качества, характеризующийся временной нелокализацией. Прототипическим является именной предикат: *В тихой воде омуты глубоки*. Предикаты в исследуемых предложениях являются вторичными. Вся предикация в целом содержит положительную или отрицательную оценку некоего положения дел. Оценочный характер предиката и всего суждения в целом важный параметр исследуемой конструкции. Оценка имплицитно определяет основание оценки, предполагает мотивацию. В описываемых конструкциях мотиватором оценки является включенный предикат. Атрибутивно-именное словосочетание является результатом номинализации предикативной единицы, а все предложение типа

«Субъект обобщенный – Предикат качества» – результатом компрессии сложноподчиненного предложения с отношениями потенциального условия с союзом *если... (то)*, реже – другим союзом, но обязательно квалификатором сложноподчиненного предложения класса обусловленности. Атрибут – это «деградированное сказуемое» (Пауль); сочетание прилагательного в атрибутивной функции с существительным – это результат осуществленной ранее предикации, не актуальной для данного момента. Определительные отношения не существуют в глубинных структурах – в них атрибут является предикатом (Падучева, Филлмор). Атрибутивный определитель (он же включенный предикат) вводит в предложение свернутую пропозицию. Между двумя пропозициями устанавливаются отношения обусловленности. В наиболее типичном случае в таких предложениях представлено три пропозиции. См. предложение *Подлинный художник лишен тщеславия*: 1) свернутая, логическая, самостоятельная, репрезентируется включенным предикатом (*подлинный художник*); 2) развернутая, логическая, самостоятельная, репрезентируется включающим предикатом (*художник лишен тщеславия*); 3) имплицитная, логическая, включенная, реляционная (*если подлинный, то лишен тщеславия*). Включенный предикат является обязательным компонентом модели, а сама модель является совмещенной: она совмещает два предиката, характеризующих один субъект (*Подлинный художник лишен тщеславия*) или два предиката, характеризующих два субъекта (*У злой Натальи все люди каналы*).

Данные конструкции являются когнитивно-сложными. При восприятии они требуют додумывания и развертки. Включенный предикат содержит информацию о ретроситуации (о событиях, происходивших за пределами лексикализованной ситуации, в пресуппозиции). Объем информации о ретроситуации может быть различным – это зависит от частотного статуса включенного предиката и его лексико-семантической специфики. В роли включенного предиката могут выступать 1) причастия и отглагольные прилагательные, 2) прилагательные качественные рациональные, 3) прилагательные качественные эмпирические, 4) относительные прилагательные. Каждый тип прилагательного репрезентирует определенный объем информации о ретроситуации. Предложения с включенным предикатом – это сложные когнитивно-пропозиционные структуры: полипропозитивные и полиситуативные.

Структурные и позиционные типы предикатов: теоретический и прикладной аспекты

Н. Г. Загнитко, А. А. Загнитко

Донецкий национальный университет (Украина)

zagnitko@skif.net

Предикат, структура предиката, синтаксическая позиция, синтаксема, валентность, семантико-синтаксический аспект

Summary. The structural types of predicates are explored, the features of linear position of sentence structure are examined, the types of sentences based on the valency features of predicates are set, the dependence of structural types of predicates on semantic-syntactic valency is commented.

Современный анализ предложения предполагает учет его многоаспектности и обоснование статуса предиката на формально-грамматическом, семантико-синтаксическом, собственно семантическом (логическом) и коммуникативном

уровнях (обоснование количества уровней предложения является спорной проблемой и здесь не рассматривается, поскольку для исследования структурных и позиционных типов предикатов существенной представляется дефиниция

формально-грамматического и семантико-синтаксического уровней с установлением особенностей их коррелятивности. Именно эти аспекты преимущественно являются определяющим фактором определения дифференциальных признаков главных / второстепенных, обязательных / факультативных, детерминантов (актантов / ситуантов / сирконстантов), дуплексивов, рематических / тематических членов или компонентов предложения. Хрестоматийно известное разграничение номинативного и структурного минимумов предложения также основывается на особенностях семантической / собственно предикативной его полноты / неполноты (ср. взгляды В. А. Белошапковой, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Н. Ю. Шведовой и др.). Определение статуса предиката может основываться и на разграничении особенностей соотношения номинативного и экзистенциального компонентов предложения (А. М. Ломов).

Квалификация структурных типов предикатов и их последующая дифференциация должна осуществляться с учетом оппозиции **синтетичности** / **аналитичности**, что позволяет разграничить, с одной стороны, одноэлементные (*учиться, мыслить, надеяться, читать, петь, танцевать*), а, с другой стороны, двух- (*начинать учиться, продолжать читать, являться примером, быть солнечным*) и более (*должен начинать учиться, должен быть рабочим*) элементные предикаты. Первый тип репрезентирован гагольно-личными / глагольно-родовыми формами (*пишу / пишешь / пишет / пишем / пишете / пишут; писал / писала / писало / писали*), а второй охватывает различные типы составных (*вернулся капитаном*) и сложных сказуемых – глагольных (*хотеть рисовать*), именных (*являться отличником, казаться счастливым*). Особенно важным является размежевание разновидностей именных составных сказуемых и приближающихся к ним по составу функциональных (описательных) предикатов: *быть учителем / работать учителем* и *укладывать асфальт, организовать пропаганду*. Обоснование составных предикатов следует осуществлять с опорой на концепцию синтаксической аналитической формы. Известно, что относительно глагола *быть* в этой функции существует особое мнение о необходимости его признания в качестве отдельной части речи – связки, поскольку все глагольные функции лексемой утрачены. Эта гипотеза требует своего обоснования, потому что связь лексемы *быть* с глагольной системой не потеряла своей активности.

Дифференциация синтетических / аналитических форм предикатов является актуальной в силу активно развивающихся тенденций глагольности в русском языке (в отличие от украинского с его доминирующей номинализацией) и в силу того, что многие аналитические формы являются синонимичными синтетическим. Анализ аналитических / синтетических типов предикатов позволяет концептуально определить уровень их семантической и / или функциональной соотносительности / несоотносительности, проследить качественное отличие соответствующих структурных схем и моделей (номинативного / предикативного образца). Этому способствует и понятие синтаксического поля предложения (Г. А. Золотова и др.).

Аналитические формы предикатов позволяют дифференцировать структурный тип предложения по морфологической принадлежности значимого – глагольного либо именного – элемента (имеется ввиду традиционный поход к частеречной классификации) и определить объем соответствующей парадигмы (здесь не рассматривается проблема степени син- / автосемантической вспомогательности элемента). Толкование аналитических форм глагольного составного не представляется сложным, если не учитывать проблему каузирующих элементов (в этом случае важным является определение уровня их вспомогательности). Аналитические формы именных предикатов позволяют разграничить: субстантивные (*был шахтером / будет шахтером*), адъективные (*был ясный / будет ясный*), нумеральные (*был первым / будет первым*), прономинальные (*был мой / будет мой*), категориально-предикативные (*было холодно / будет холодно*), партиципные (*был убит / будет убит*) и прочие модели предложений. Любое осложнение их модели следует рассматривать в качестве модификации (*начинать читать* → *должен начинать читать*). Квалификация и классификация функциональных предикатов (по Г. А. Золотовой) является весьма сложной проблемой в силу того, что до конца неопределенными являются их признаки (только соотношение с соответствующим типом синтетической формы или первое плюс синсемантическая глагольная лексема), проблематичным представляется установление их списочного состава и т. д.

Позиционные типы предикатов легко устанавливать по типу их валентности, дифференцируя одно- (нульвалентные: *морозит, дождит*), двух- (*стоять, лежать*), трех- (*читать, показывать*), четырех- (*обкашивать, отчищать*), пяти- (*нести, принести*), шести- (*везти, транспортировать*) и семивалентные (*перевезти, перетранспортировать*) предикаты. Это позволяет разграничить соответствующие структурные типы предложений – двух- (с нулевым и ненулевым левосторонним аргументом: *Дождит* и *Ребенок спит*), трех- (*Мальчик читает книгу* и со свернутым объектным элементом: *Я умываюсь*), четырех- (*Сын отправляет посылку матери*), пяти- (*Ученик вытирает пятно с тетради резинкой*), шести- (*Юноша несет букет цветов из сада в дом*), семи- (*Внук везет машиной багаж бабушке из города на хутор*), восьмикомпонентные (*Сын перевозит багаж машиной матери из города в село через лес*).

Особенностью позиционной типологии предикатов является определение семантико-синтаксического валентностно-го потенциала предикатов (ср. квалификацию валентных типов предикатов Л. Теньером, С. Д. Кацнельсоном, И. Р. Выхованцем), установление соответствующих их типов, с одной стороны, и, с другой стороны, необходимость дифференцировать соответствующие типы аргументов (ср. классификацию таких аргументов-актантов Ч. Филлмором, детализацию семантических ролей В. В. Богдановым и проч.). В этом направлении весьма плодотворным представляется определение коррелятивных / некоррелятивных зон структурных и семантических репрезентантов синтаксических позиций: *Мальчик разбил камень окно* → *Камень разбил окно; Рабочие на заводе получают зарплату* → *На заводе получают зарплату*.

Семантико-синтаксические особенности модусных предикативов (на материале лексем *видно, слышно*)

Е. А. Зак

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

1. Грамматика не только описывает язык, но и определенным образом интерпретирует выявленные данные. На современном этапе интерпретация данных учитывает взаимодействие многих факторов: от семантики единиц до точки зрения говорящего в тексте. Антропоцентрический взгляд на язык открывает новые аспекты в изучении языковых средств, их взаимодействия и употребления.

2. Статус предикативов (слов категории состояния) в системе частей речи до сих пор не определен и вызывает оживленные дискуссии. Это в первую очередь касается ментальных предикативов типа *приятно, больно, обидно*, для которых возможно как приглагольная позиция (*приятно*

улыбнулся), так и припропозициональная (*приятно, что ты это понимаешь*). В теории валентности случаи второго типа принято рассматривать как проявление валентности слова *приятно*, однако с точки зрения семантики ментальный предикатив слабее, нежели следующее за ним придаточное. С точки зрения морфологии частей речи принято считать, что приглагольная позиция характерна для *приятно* наречия, а позиция в сложном предложении – для *приятно* – прилагательного. Тем самым утверждается омонимия.

3. Конструкции с физическими предикатами *видно, слышно* привлекли внимание исследователей в связи с трудностями их частеречной квалификации («Русская морфология»

Н. А. Янко-Триницкой). М. В. Панов в своей книге «Позиционная морфология» характеризует предложение *Видно озеро* как «...двусоставное и вместе с тем односоставное безличное», и указывает, что «при существительном среднего рода обе грамматические сущности нейтрализуются», т. е. рассматривает этот пример в рамках позиции морфологической нейтрализации. Причины морфологической нейтрализации связаны с семантикой данных предикатов, которая влияет на грамматическое оформление конструкций, а также с категориальным значением этих конструкций.

4. Обычно предикативные наречия на *-о* не образуют конструкции с прямым дополнением, однако еще В. В. Виноградов заметил, что у кратких прилагательных, преимущественно за счет которых пополняется категория состояния, развиваются типы падежного управления, однородные с глаголами той же основы.

5. Особенностью употребления предикативных наречий на *-о* является рассогласование грамматических категорий: субъект состояния оказывается в косвенном, дательном падеже, а объект либо не нуждается в выражении (при предикатах состояния: *Мне холодно* – субъект и объект предиката совпадают); либо является пропозицией и выражается отдельным предложением или инфинитивом (при выражении отношения или оценки: *Мне приятно, что он пришел; Стыдно обижать маленьких*).

6. Чаще всего предикаты *видно, слышно* употребляются в качестве модусной рамки, к тому же в метафорическом значении: *видно* = *понятно*, *слышно* = *говорят*, что поддержи-

вается и тем, что данные слова часто используются в качестве вводных именно в этих значениях: *понятно, говорят*. Очевидно, что такое переносное значение для предиката *видно* развивается на основе близости процесса восприятия и осмысления, т. е. «вижу и понимаю»; для предиката *слышно* переносное значение связано с единством процесса говорения и восприятия.

7. Предикаты *видно* и *слышно* могут употребляться в прямом значении физического восприятия факта. Однако и в прямом и в переносном значении эти предикаты обозначают в предложении позицию воспринимающего субъекта.

8. Перцептивные предикаты *видно, слышно* не относятся ни к группе предикатов оценки, ни к группе предикатов состояния. По своему значению они связаны с восприятием объекта, поэтому при них сохраняется позиция объекта, который может быть выражен прямым дополнением: *Видно реку / пруд / озеро*, а может быть выражен предложением.

9. Морфологическую нейтрализацию в таких случаях можно объяснить совпадением в данных предикатах диктального и модусного значения, так как эти предикаты связаны и с воспринимающим субъектом и с воспринимаемым объектом.

10. В докладе будут рассмотрены конструкции с предикатами *видно, слышно* в связи с их субъектной перспективой и сделаны обобщения относительно семантики и прагматики этих конструкций. В основу работы положена концепция коммуникативной грамматики русского языка, которая разрабатывается в ИРЯ РАН под руководством Г. А. Золотовой.

Семантика и семантическая структура безличных причастных предложений со значением результативного состояния среды

И. В. Замятина

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского

syntagma@sur.ru

Семантика, семантическая структура, безличность, причастный предикатив

Summary. The report contains author's conception about the meaning and the meaning structure of impersonal sentence with the predicate expressed by the short form of passive participle. The predicate expresses the meaning of surrounding's state.

1. В позиции главного члена рассматриваемых безличных предложений употребляется причастный предикатив, традиционно рассматриваемый как краткое страдательное причастие: *Вхожу побыстрее в комнату, батюшки светлы – накурено, наляпано, набросано, разбросано* (М. Зощенко). Мы предполагаем, что в данной синтаксической позиции страдательное причастие утратило значение пассивности, «страдательности» и выражает только значение результативного состояния. Вслед за П. А. Лекантом мы определяем эту причастную форму как *причастный предикатив*.

2. Безличные причастные предложения делятся на несколько семантических разрядов, среди которых выделяются центральные и периферийные. Предложения со значением результативного состояния среды относятся к центральным разрядам.

3. Семантическая структура предложений данного разряда двухкомпонентна, в нее входит причастный предикатив со значением физического результативного состояния среды и детерминативная предложно-падежная форма либо наречие, обладающее значением пространственного конкретизатора результативного состояния, например: *В комнатах не подметено, с окон содраны ситцевые занавески* (А. Чехов); *Везде обесточено?* (А. и Б. Стругацкие). Эти предложения синонимичны предложениям со значением состояния среды, главный член которых выражен категорией состояния. В тексте слова категории состояния и краткие страдательные причастия (причастные предикативы) могут образовывать ряды однородных членов.

4. Причастный предикатив предполагает наличие в структуре предложения валентностно обусловленной формы творительного падежа имени существительного со значением агенса (в комнате прибрано (кем)), однако нами не зарегистрировано ни одного случая употребления компонента со значением агенса в форме творительного падежа в предложениях данного разряда. На основании этого можно сделать

предположение о том, в рассматриваемых предложениях произошло полное заглушение субъектной валентности краткого страдательного причастия, значение пассивности это причастие утратило и выражает только значение результативного состояния.

5. Пространственный конкретизатор обозначает конкретно-физическую среду, которая замыкает границы проявления результативного состояния и является облигаторным элементом предложения. Если конкретизатор выражен предложно-падежной формой, то эта словоформа, кроме значения пространственного конкретизатора, выражает значение субъекта состояния и объекта действия, которое это состояние вызвало. Пространственный конкретизатор может находиться как в препозиции, так и постпозиции к предикату.

6. В структуре предложения может находиться детерминативная форма «у + род. пад.», который может иметь значение субъекта действия и является факультативным элементом, его устранение не изменяет смысла предложения. Таким образом, субъектный компонент со значением активного субъекта действия в предложениях, выражающих значение результативного состояния среды, устранен в большинстве случаев.

7. Составляется база данных в среде MS ACCES, в которой представлено причастные предикативы, имеющие значение результативного состояния среды, что позволяет получить статистические данные о частоте употребления того или иного предикатива. По первичным данным, на первом месте находится предикатив *накурено*, а большинство предикативов, употребленных в предложениях этого семантического разряда, имеют значение отрицательной оценки.

8. Компонент со значением активного субъекта действия не употребляется в предложениях данного семантического разряда, и это можно считать подтверждением нашего предположения о том, что значение «страдательности» у кратко-

го страдательного причастия в безличном употреблении утрачено, и оно приближается к категории состояния.

9. Краткое страдательное причастие либо находится на периферии системы русского причастия, либо выходит из этой системы, что является подтверждением мысли В. В. Виноградова о глубоких изменениях смысловой структуры причастных форм.

Проблема агенса в русской и общей грамматике

К. Г. Красухин

Институт языкознания РАН, Москва

0. Агенса как член предложения в языках номинативного строя совпадает с субъектом предложения лишь отчасти, при сказуемом в действительном залоге. В страдательном же залоге он вытесняется с позиции субъекта и теряет свою облигаторность; иными словами, с позиции актанта он перемещается на позицию сирконстанта. Кроме того, агенса спорадически может появляться и при глаголах, не стоящих в страдательном залоге, но обозначающих неконтролируемые состояния или процессы. Это отличает номинативные языки от эргативных, по-видимому, не знающих категории пассива и всегда выражающих субъектно-объектные отношения с помощью эргативного падежа и объектной версии глагола.

0.1. Вместе с тем в литературе неоднократно отмечалось, что под именем агенса могут выступать самые различные, по-разному действующие сущности. Известны классификации агентов, предложенные М. Сильверштейном (Silverstein 1975) и Ю. С. Степановым (Степанов 1989), различающие названия лиц / людей (в 3 л.) / живых существ / неживых предметов / абстрактных сущностей. Еще более подробная классификация субъектов предложена Р. ван Валин (Valin 1998): подлежащие подразделяются на действующих и претерпевающих, затем на собственно действующих и воспринимающих, источников восприятия, находящихся в какой либо позиции и собственно претерпевающих и т. д. Эти классификации касаются собственной семантики термов, способных входить в позицию субъекта. Для уяснения же их синтаксической функции требуется уточнить классифи-

кацию, выявив те роли, которые могут играть различные агенты в ситуации действия.

1. Основания для синтаксической классификации могут быть установлены с помощью анкеты, выявляющей основные характеристики агенса:

А. Контролирует ли агенса действие (= Способен ли он начать и прекратить действие по своему произволу)?

В. Является ли агенса а) одушевленным, б) телесным?

С. Действует ли агенса самостоятельно или под влиянием посторонней силы?

Д. Что представляет собой посторонняя сила: одушевленное существо или абстрактное понятие?

2. Различать типы агенса помогает перевод сказуемого в пассивный залог. Русские данные должны быть сравнены и с другими индоевропейскими языками для уточнения семантической структуры агентов. Классификация агентов, обобщенная в докладе, выглядит так. 1. Актор — агенса, контролирующий свое действие (*Плотник построил дом — Дом построен плотником*). 2. Орудие (*Топор срубил дерево — Дерево срублено топором*). Сравнение с европейскими языками показывает, что актор и орудие, совпавшие в русском языке, в них отличаются друг от друга: первый выражается в пассивных предложениях с помощью отложительных конструкций (*Das Haus ist vom Zimmerman gebildet*). 3. Среда (*Молния убила человека — Молнией убило человека*). 4. Побудительная причина (*Болезнь мучает пациента — Пациент мучается от / из-за болезни*). 5. Агенса-обладатель (*Мать родила дочь — У матери родилась дочь с пресуппозицией у матери есть дочь*).

К вопросу о формальном подлежащем и семантическом субъекте в русских простых предложениях, организованных описательными предикатами

В. А. Кузьменкова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Семантический субъект, простое предложение, описательный предикат, коммуникативная парадигма

Summary. The research is dealing with simple sentences structured by predicates. The correlation between semantic and grammar subjects and their position in the sentence structure are analyzed.

1. При анализе предложений-высказываний в реальном дискурсе целесообразно опираться на концепцию организации предложения как многоуровневой системы, которая, на наш взгляд, обладает наибольшей объяснительной силой. Согласно данной концепции, предложение-высказывание существует одновременно в пространстве четырех уровней: денотативного уровня или уровня содержания предложения (что в нашем понимании соответствует понятиям «положение дел» и «ситуация»), семантического уровня (или уровня интеллектуального отражения конкретного события объективной действительности), синтаксического (формального) уровня и коммуникативного уровня, т. е. уровня реализации коммуникативного задания.

2. Среди моделей русского простого предложения особое место занимает предложение-высказывание, организованное описательным предикатом (ОП), точнее, одной из его структурных разновидностей — ОП-2. Данная разновидность представляет собой предикативную конструкцию, состоящую из глагола и имени существительного в именительном падеже ($N_{им.}, V_{им.}$): *тоска ододела, грусть нахлынула, мысли мелькают, происходит распад*. ОП-2 может выступать как информативно самодостаточная структура. В составе ОП

данного типа функционируют две группы глаголов: 1) группа глаголов — репрезентантов события: *идти, происходить, случаться, совершаться, производиться* (в нейтральных ОП) и 2) группа эмоционально-экспрессивных глаголов, таких, как *вспыхнуть, разгореться, нахлынуть* (в изобразительных ОП). Подобные предложения отличаются рядом особенностей, которые будут рассмотрены ниже.

2.1. Будучи одной из понятийных единиц на денотативном уровне, ОП-2 на формальном уровне представляет собой две синтаксических единицы: подлежащее и сказуемое: *Разгорелся спор; Завязалась ссора; Разговор этот шел на закате солнца; В храме ежедневно совершается таинство крещения; Произошло разрушение крыши здания; На меня тоска навалилась*. Указанная черта является наиболее ярким отличительным признаком данной модели и выделяет ее в особый класс.

2.2. Используя ОП-2, можно передавать значение начала или конца действия в ситуации с теми глаголами, у которых нет оппозиции «несов. / сов. вид»: *В Киеве прошли очередные переговоры* (переговариваться — 0).

2.3. Среди моделей предложений с ОП-2 обнаруживаются конструкции, осложненные авторизацией. В них функцио-

нируют глаголы *доноситься, раздаваться, слышаться* и существительные, обозначающими различные звуки, издаваемые живыми существами или вызываемые стихийными силами. В таких предложениях налицо синтаксическое подлежащее (*крик, стон, визг*), но отсутствует семантический субъект: *Раздался громкий стон; Слышался тихий шепот; Тут издали доносились до слуха прокуратора слабые звуки труб.*

2.4. Предложения с ОП-2, в составе которых функционируют эмоционально-экспрессивные глаголы, в подавляющем большинстве служат для выражения эмоционально-психического состояния человека. Наименование состояния становится грамматическим подлежащим, а семантический субъект – человек – «уводится» с центральных позиций (на позицию вин., род., дат. или творит. пад.): *Наташу охватила паника; На меня нахлынули воспоминания; К нему пришло успокоение; Мной овладело отчаяние.* Русский язык как бы «скрывает» человека как активного деятеля.

Идея о том, что человек не контролирует происходящие с ним события, как пишет А. Д. Шмелев, является одним из сквозных мотивов русской языковой картины мира.

2.5. В анализируемых моделях предложений могут появляться слова – классификаторы: *чувство, ощущение, состояние, процесс*. При появлении подобных слов, которые становятся синтаксическим (формальным) подлежащим, наименование эмоций, состояний, процессов вытесняется на позицию родительного приименного: *Чувство раскаяния охватило его.*

3. Рассмотренные нами модели, построенные на основе ОП-2, входят в коммуникативную парадигму предложения и имеют определенные коммуникативные преимущества, обусловленные структурой ОП. Данные модели представляют несомненный интерес, нуждаются в дополнительных сопоставительных исследованиях и должны быть представлены со специальным комментарием в грамматике РКН.

Синтаксическая парадигма как способ организации языкового материала в учебных целях

С. А. Лалаян

Ереванский государственный университет

Синтаксическая парадигма, внутримодельные преобразования, межмодельные преобразования, пропозиция.

Summary. Syntactic paradigm as inter-model modifications of a sentence can be used for the systemization of the syntactic material for the purposes of teaching.

Введение в синтаксис понятия парадигмы, наряду с понятием структурной схемы предложения и ее регулярных реализаций, привело к новому подходу в описании синтаксического строя языка. Несмотря на значительные расхождения в определении и представлении синтаксической парадигмы, она является одним из механизмов системного описания языкового материала, упорядочивая системные связи между предложениями.

Новые идеи и направления синтаксической науки всегда значимы для описания языка в целях его преподавания. Парадигма предложения может быть применена для системной подачи синтаксического материала, что является основополагающим принципом в методике обучения неродному языку.

При всем многообразии существующих концепций синтаксической парадигмы сложилось в основном два способа ее представления – как системы внутримодельных преобразований предложения и системы межмодельных преобразований предложения. В методическом аспекте представляют интерес межмодельные преобразования предложения, которые могут быть объединены как тождеством отражаемой ситуации, так и тождеством пропозиции или «типового значения» в зависимости от принимаемой концепции строения предложения.

Парадигма систематизирует все конструкции, выражающие одно содержание, один и тот же смысл. Так, например, парадигматический ряд предложений *Мне радостно, Я радуюсь, У меня радость* передают сообщение о состоянии субъекта. Семантика морфологической формы предиката в сочетании с семантикой предиката придает каждой конструкции дополнительное значение, тем самым представляя сообщение в определенном ракурсе. Для носителя языка практически нет проблемы в выборе конструкции. При обучении языку выбор конструкции следует обосновывать определенными коммуникативными мотивами говорящего.

Хотя предложение наиболее универсальная языковая единица, в которой слабо отражена национальная специфика языка, оно тоже способно отражать особенности мировосприятия и мироосмысления. Это особенно верно по отношению к русскому предложению, которое отличается разнообразием структурных типов. Представление синтаксического материала в виде парадигм выявляет многообразие конкретных форм выражения субъекта и предиката и тем самым выявляет возможности русского синтаксиса для выражения тех или иных оттенков смысла.

Запреты и разрешения на денотативные роли в структуре конверсивной ситуации «купить-продать»

И. И. Минчук

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (Беларусь)

Конверсив, типовая ситуация, денотативная роль

Summary. In the article are considered denotation roles of participants of conversion situations “to buy-to sell”, their analysis from the point of view of actantial positions is made at predicates and the possible reasons of asymmetry come to light. On a material of newspaper contexts separate cases of asymmetry in under situations of buying and selling are considered.

В структуру конверсивной типовой ситуации «купить-продать» входят обязательные денотативные роли, предусмотренные семантической валентностью (Покупатель, Продавец, Товар), и факультативные денотативные роли, которые обусловлены коммуникативным намерением говорящего и несут дополнительную информацию о месте, времени, условиях и других обстоятельствах ситуации «купить-продать».

Несмотря на всю симметричность и диалектическое единство исследуемой конверсивной ситуации, в которой все участники одинаково равны и прикреплены к одному предикату («процесс обмена денег на товар или товара на деньги»), денотативные роли все-таки асимметричны в силу различных причин.

Значительное влияние на асимметрию ситуации оказывает актуализация (внимание говорящего к релянтам ситуации – Покупателю и Продавцу), денотативные, валентностные, семантические ограничения. Так, например, денотативная роль Продавец в подситуации покупки и денотативная роль Покупатель в подситуации продажи выражаются в контекстах формой субъектного локатива, однако не каждое существительное с пространственным значением может выступать в денотативной роли Продавец.

В отличие от ситуации покупки денотативная роль Фигурант в подситуации продажи встречается крайне редко, а денотативная роль Дестинатив вообще отсутствует (по-видимому, во избежание ситуации, в которой при одном

предикате конкурируют две денотативные роли со сходным, практически дублирующим значением – кому? и для кого?).

С другой стороны, денотативная роль Товар не является асимметричной, так как это постоянная пациентивная роль,

независимо от того, что выступает в качестве товара – предметы, услуги, информация, деньги, люди.

Свои запреты и разрешения на употребление в структуре конверсивной ситуации «купить-продать» имеют и другие денотативные роли (Темпоратив, Посредник, Сумма, Локатив).

Схемная семантика высказывания

Т. С. Моница

Новый гуманитарный институт, Электросталь

Тождество, предложение, высказывание, грамматическое значение

Summary. The report is devoted to the problem of sentence typology, which is regarded through the prism of language-speech correlation. It is shown that the purport of the utterance is based on grammatical meanings of the syntactic model type.

Поворот в современной лингвистике от представления о предложении как совокупности дискретных компонентов (членов предложения) к представлению о предложении как целостной единице побуждает обратиться к постановке проблемы самоидентичности предложения в русле нового ментального направления, сменившего лингвистику «вещи» на лингвистику «факта».

В этом свете основными грамматическими значениями предложения следует считать: предикативное, номинативное и интерпретационное. Грамматическая форма предложения, репрезентирующая эти значения, является основанием самоидентичности предложения. Основным грамматическим значением является предикативное, которое, собственно, и превращает слово или словосочетание в предложение, номинативное значение предложения заключено в его способности обозначать событийный фрагмент действительности, интерпретативное значение предложения отражает значение его формальной структуры. Предикативное содержание предложения обусловлено его логическим содержанием (передача мыслительного концепта), номинативное значение отражает объективное (диктумное) содержание предложения, а интерпретационное значение формируется меональной природой предложения и служит основой для передачи субъективного (модусного) содержания.

Морфологические и лексические факторы грамматической формы предложения служат основой для выделения формул (моделей) предложения, а значит, границами структурного инвариантного объединения являются, с одной стороны, конкретное речевое высказывание, с другой стороны, структурный тип предложения (односоставное или двусоставное предложение), между которыми располагаются модели, выделяемые на различных уровнях абстракции.

Значение речевого высказывания определяется условиями коммуникативного акта и детерминировано многими факторами, однако его основой можно считать семантику структурного типа, к которому оно принадлежит. Экспликация основных грамматических значений предложения является базой для определения компонентного состава грамматических образцов предложения: выражение предикативного значения определяет структурный тип предложения *Рабочий строит*, выражение номинативного значения – номинативную модель предложения *Рабочий строит дом*, выражение интерпретационного значения – интерпретационную модель предложения *Рабочий строит дом для себя*.

Модели, входящие в континуум структурного типа, соотносятся между собой по способу привативных и эквиолентных отношений. Привативные отношения связывают модели в вертикальной плоскости и представляют собой иерархическую ступенчатую организацию, в которой объем немаркированного члена оппозиции полностью включается в объем маркированного члена: *Носу свело* – *У меня ногу свело*. Эквиолентными отношениями связаны между собой модели, расположенные по горизонтальной оси, члены оппозиции имеют общий константный признак, но вместе с тем характеризуются различными дифференциальными признаками: *В кустах шумит* – *В голове шумит*. Общая семантика модели формируется сетью ее взаимоотношений с другими моделями по всем плоскостным направлениям. Оба типа отношений характеризуют и межмодельную

(структурно-семантическую) парадигматику и внутримодельную (грамматическую).

Схемная семантика структурного типа является основой смыслового содержания всех реализующих его моделей. Роль представителя структурного типа отводится прототипической модели, функционально-семантические особенности которой являются основой для формирования интерпретационного значения производных моделей. Однако утверждение о том, что она входит в семантическую структуру как просто слагаемое смысла было бы ошибочным: взаимоотношение грамматической формы структурного типа с морфолого-лексическими факторами модели характеризуется сложностью и неоднозначностью.

Привативные отношения между моделями реализуются на вертикальной оси и характеризуют изменения семантики модели в количественном отношении. Семантика последующего члена оппозиции полностью включает в себя семантику предыдущего члена: *В ушах шумит* – *У меня в ушах шумит*; *Лодку опрокинуло* – *Лодку опрокинуло волной*.

Эквиолентные отношения реализуются на горизонтальной оси. Тождество моделей обусловлено их принадлежностью к одному структурному типу. Дифференциальные признаки определяются не только зависимыми (добавочными) компонентами модели, но и основными (ядерными): *В ушах шумит* – *В кустах шумит* – дифференциальный признак реализован второстепенным членом предложения, *В лесу темно* – *В лесу темнеет* – дифференциальный признак детерминирован главным членом предложения.

Самоидентичность структурного типа не ограничивается проявлением корреляций между составляющими его моделями в пределах его системы, но также реализуется в способе функционирования предложения по линии реализации предикативных значений модальности, времени и лица, иными словами, тождество структурного типа выявляется в тождестве грамматической парадигматики всех моделей, составляющих структурный тип. Вариативные значения проявляются в выражении субъективной модальности, но не затрагивают основ парадигматики.

Тождество грамматической формы модели, а именно, тождество ее схемной семантики и ее грамматической потенции, является основанием для отнесения ее к тому структурному типу, с которым ее связывает формальное тождество. Корректность отнесения модели к ее структурному типу обуславливает точность определения ее грамматической семантики, в частности, модусное содержание.

Принадлежность к структурному типу формирует глубинную схемную семантику модели, проявляющую способ формальной языковой структуризации мира, которая отражает мировоззрение народа, создавшего язык. Нозматический компонент, виртуально присутствующий в системе языкового мироотражения, является основой для выражения субъективных значений.

Парадигматическая виртуальность предложения является основой интенционального акта, поскольку позволяет речевому субъекту не только отобразить объективную реальность, но также посредством нозмы (интерпретативного элемента) выразить свое отношение к миру. Субъективное содержание предложения связано с моментом выбора одной точки пересечения из комплексной структурно-номинативной парадигмы.

Функции и роли глагола в предложении и классификация сказуемых

3. Новоженова

Гданьский университет (Польша)

Традиционная грамматика, по верному замечанию Е. Кубряковой и Ю. Панкрац, (Падежная грамматика // Современные зарубежные грамматические теории. Сб научно-аналитических обзоров. М., 1985), «все равно продолжает оставаться первоосновой наших грамматических знаний».

В рамках традиционного описания простого предложения важное место занимают понятия сказуемого как главного члена предложения и глагольной связки.

Однако анализ литературы по вопросу свидетельствует, что современная теория до конца не выработала единых критериев для классификации сказуемых и оценки статуса связки в структуре предложения.

Решения данной проблемы естественно искать в механизмах образования предложения, в котором, во-первых, осуществляется пропозиционализация действительности (процессы ее категоризации и структурирования), во-вторых, актуализации и интерпретации пропозитивного содержания. Особая креативная роль в этом процессе принадлежит глагольному предикату, совмещающему в себя в ситуации изосемичности пропозитивно-предикатную, актуализационную, копулятивную и прогнозирующую функции (Новоженова 3. Русское глагольное предложение: структура и семантика. Słupsk, 2001).

Глагол в силу своей грамматической устроенности, дающей ему возможность синтезировать грамматическую и семантическую информацию, стремится целиком принять в языке функцию предиката. Однако потребности расширения состава номинативных средств и грамматических возмож-

ностей предложения для решения коммуникативных задач может привести к «расщеплению» и редукции указанных функций в глаголе, что изменяет его статус в высказывании: утрачивая роль предиката, глагол может выступать в предложении как модификатор, экспликат, актуализатор, компенсатор, компликат, копулятор (связка).

Различение глагольных функций и ролей в предложении дает возможность более гибкой классификации типов сказуемых в русском языке. Представленная таким образом система сказуемых обнаруживает черты полевого строения.

В системе сказуемых русского предложения простое именное / наречное и простое глагольное сказуемое представляют собой два полюса системы, между которыми располагаются переходные случаи. Простые сказуемые представлены тремя типами: простое глагольное (*Я иду и пою*), простое наречное (*Мне холодно; Холодно*), простое именное (*Брат уже здоров; Сестра у нас красавица*). Составные сказуемые представлены следующими типами: глагольно-глагольное с модификаторами-экспликаторами (*Он начал учиться; Он хочет учиться; Он думает учиться*); глагольно-именное: с модификаторами (*Он начал учебу*), с экспликаторами (*Море серебрилось за окном; Дом находится у самого моря и под.*), с компенсаторами (*Хирург проводит операцию*), с компликаторами (*Они вернулись с прогулки довольными*); связочные: с а) глагольными связками (*С ним случилась беда*), б) с неглагольными связками (*Единственная надежда – это выиграть двести тысяч*).

К вопросу о взаимозависимости семантики и синтаксиса каузативных глаголов в русском языке

А. Г. Ольшевская

Белорусский государственный университет, Минск (Беларусь)

Каузативный глагол; семантическая, синтаксическая валентность

Summary. The given article is devoted to causation analyses of Russian defence verbs in terms of onomaseological approach. The interdependency of semantic and syntactic verbal characteristics is studied which allows to regard causation as a gradual category. The research results in the different causation degrees distinguishing of Russian defence verbs.

Существующие в объективной действительности причинно-следственные отношения отражаются в языке посредством лингвистической каузации. В своей грамматической системе глагол наиболее полно отражает причинные связи. Поэтому целью нашего исследования является системный анализ лексического глагольного материала (ЛСГ защиты) по семантическому признаку каузативности. Для достижения цели решались следующие задачи: выявить характерные особенности семантики и синтаксиса каузативных глаголов; определить степень и характер каузативности глаголов ЛСГ защиты.

Объектом исследования являются глаголы, для которых основной категориальной семой является каузативность. При широком понимании каузативности ([Чудинов 1981, 58]), принятом в настоящей работе, к числу каузативных мы будем относить «глаголы со значением каузирующего физического или социального действия, направленного на другое лицо или предмет» (не важно, включено ли значение объекта в семантику глагола или нет), «в результате чего последнее само совершает какое-либо действие, испытывает состояние, меняет качество» [Всеволодова 2000, 58].

Для исследования каузативной глагольной лексики нами выбрано функционально-семантическое направление, с опорой на понимание слова как знака.

Методом сплошной выборки из Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова были отобраны лексемы, для которых доминантой является глагол «защищать». При отборе материала использовалась трансформационно-объяснительная методика. ЛСГ защиты составляет 13 глаголов: *вступаться за кого-что, гарантировать кого (что) от чего, за-*

ступаться за кого-что, защищать кого-что, защищаться, оберегать кого-что, оборонять кого-что, отбиваться от кого-либо, отражать кого-что, отстаивать кого-что, охранять кого-что, предохранять кого-что, прикрывать кого-что. (В работе указывается несовершенный вид глаголов.)

При минимальном компонентном анализе в семантической структуре глаголов *гарантировать, защищать, оберегать, оборонять, отражать, отстаивать, охранять, предохранять, прикрывать* выделяется компонент 'каузировать' (каузировать стать безопасным, сделать так, чтобы кто-либо находился в безопасности).

При проведении минимального компонентного анализа глаголов *вступаться, заступаться*, выделяются семы 'каузировать', 'обезопасить', а также обязательная для каузативов сема 'причинности'. (*Вступаться, заступаться* – причина: чтобы защитить). Но здесь возникают противоречия между семантикой каузативного глагола и его синтаксическим оформлением. И. А. Мельчук указывает, что *-ся* скорее – показатель декаузатива. Появление предлога *за* с винительным падежом в оптимальном окружении данных глаголов также противоречит общепринятому представлению о каузативных глаголах. При широком понимании каузативного глагола морфологические средства выражения каузативности не ограничиваются беспредложным винительным падежом.

Автокаузативные глаголы (термин Г. А. Золотовой) *защищаться, отбиваться* представляют собой интеркаузативную модификацию исходной семантической модели (Subj. + V + Obj). Сема каузативности сохраняется, но действие глаголов сосредоточено в субъекте. Так, данные глаголы

условно можно отнести к числу каузативных, но они находятся на периферии этой группы.

Особенности семантики и функционирования каузативных глаголов выявляются при исследовании семантической (наличие семантических валентностей, качество объекта) и синтаксической сочетаемости (управление глагола).

У глаголов *вступаться, гарантировать, заступаться, защищать, оберегать, оборонять, отражать, отбиваться, охранять, предохранять, прикрывать* выделяются валентности субъекта и объекта, у глаголов *гарантировать* и *отбиваться* – валентность контрагента (существительное в родительном падеже с предлогом *от*).

Глаголы исследуемой группы можно разделить на подгруппы в зависимости от характера каузативности (каузирует субъект объект или себя для совершения действий по защите): объектная ([Золотова 1973], [Мельчук 1998], [Недялков, Сильницкий, Храковский 1969]), субъектная ([Курбалько 2004], [Чудинов 1981]).

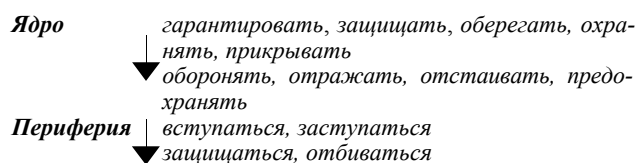
В подгруппу объектной каузативности входят глаголы *гарантировать, защищать, оберегать, оборонять, отражать, отбиваться, охранять, предохранять, прикрывать*. Данные глаголы представляют собой градуированные элементы. Градация зависит от характеристик: объект одушевленный / неодушевленный, глагол управляет прямым / косвенным объектом. Для субъекта менее релевантен неодушевленный объект ([Вежицка 1988, 375]).

Глагол *гарантировать* управляет двумя именами: прямым и косвенным объектом (валентность контрагента). Глагол не каузирует контрагента для совершения действий, поэтому контрагент не рассматривается при определении степени каузативности. У остальных глаголов данной подгруппы семантический и грамматический объект совпадают. Эти де-

вать каузативных глаголов составляют ядро ЛСГ защиты. Самой высокой степенью каузативности характеризуются глаголы, способные сильно управлять прямым одушевленным объектом (*гарантировать, защищать, оберегать, охранять, прикрывать*). При сильном управлении глагола прямым неодушевленным объектом, его степень каузативности не меняется, снижается интенсивность каузирующего действия.

В подгруппу субъектной каузативности входят глаголы *вступаться, заступаться, защищаться, отбиваться*. Эти глаголы сильно управляют косвенным одушевленным (неодушевленным) объектом. Согласно данным словаря С. И. Ожегова глагол *защищаться* не управляет объектом. У глагола *отбиваться* косвенным объектом оформляется валентность контрагента. Будем считать, что эти два глагола не управляют семантическим объектом. Происходит совмещение субъекта и объекта.

Распределение степеней каузативности глаголов в ядре группы и на периферии:

Полученные результаты свидетельствуют о том, что семантическое, а не формальное рассмотрение каузативности обуславливает то, что широкое понимание данной категории является более плодотворным. Именно такой подход обеспечивает возможность рассмотрения категории каузативности как градуальной категории.

Семантическая организация нечленимых предложений

Т. А. Остапенко

Белгородский государственный университет

Модус, диктум, семантика, прагматика, нечленимые конструкции

Summary. The present article deals with the problem of the undivided sentences semantic structure. The main principle is functional principle of the undivided clauses investigation. The author reveals semantic, intentional, discourses, genre, pragmatic aspects of the undivided clauses functioning, defines their main categorical characteristics. It is used predicatively important that the undivided sentences have their own semantic structure based on the context.

Нечленимые предложения – особый структурно-семантический тип предложений, характеризующихся устойчивостью, воспроизводимостью, целостностью, неспособностью к распространению, привязанностью к контексту, не делимых ни на одном уровне. В подобных единицах отсутствуют члены предложения. У слов, образующих нечленимые предложения, отсутствует номинативное значение. Данные предложения выражают лишь отношение говорящего к адресату или к сообщаемой информации. Основной функцией нечленимых предложений в языке является экспрессивно-оценочная, так как такие предложения обладают высокой степенью эмоциональности, экспрессивности. Ввиду отвлеченности семантики, структурной нерасчлененности, отсутствия парадигмы, зависимости от контекста данный тип предложений часто исключается из семантико-синтаксической парадигмы предложения и рассматривается за ее пределами в качестве «эквивалентов предложений», «слов-предложений», «модальных слов-предложений», «неграмматических предложений», «междометных предложений», «предложений фразеологизированной структуры», «коммуникативов», «коммуникатов-релятивов», «коммуникем», «монорем».

В структурологическом аспекте нечленимое предложение обладает упорядоченными синтаксическими и структурными характеристиками. Коммуникативный аспект данного типа предложений наиболее ярко проявляется в лингвистическом и экстралингвистическом контексте, в котором оно существует. Особого внимания заслуживает семантический аспект нечленимых предложений, так как нечленимые конструкции состоят из десемантизированных лексем, выражая нерасчлененную речевую реакцию говорящего на определенный факт контекста.

Нечленимые предложения характеризуются отсутствием предметного содержания, хотя всегда есть связь с контекстом

или определенной ситуацией. Подобные конструкции, несмотря на грамматическую неделимость, способны выражать как субъективную информацию, так и объективную.

В аспекте семантической организации предложения можно говорить не только о наличии модусного слоя смысла в семантической структуре нечленимого предложения, но и о частичной ориентации на диктумный слой смысла, реализующийся в контексте. Модусный слой смысла является для нечленимых предложений прагматически обязательным. Диктумный же слой смысла нечленимых предложений является свернутым, так как пропозиционно не оформлен, базируется на пропозитивном содержании предыдущей реплики диалога или контекста. Например: *Иван Федорович видел, что это были бумаги или какая-то пачка бумаг. Смердяков вынул ее и положил на стол. – Вот-с! – сказал он тихо* (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы). Лишь контекст указывает на то, что нечленимое предложение «Вот-с!» произносится действующим лицом с целью привлечения внимания к передаваемой им вещи. Без контекстуальной информации невозможно понять, по какому поводу произнесена эта реплика.

По характеру выражаемого значения среди нечленимых предложений выделяются построения с понятийной и непонятийной семантикой. Первые характеризуются обязательной модусной пропозицией, отсутствием структурной схемы, лексической непроницаемостью. Такие единицы выражают непонятийное смысловое содержание: *Ради бога! где Марья Ивановна? – спросил я с неизъяснимым волнением.* (А. Пушкин). *Ба! Да и в самом деле! – закричал удивившийся Кох.* (Ф. Достоевский). *Евфросинья Потаповна. Уже откушали? А чаю не угодно? Огудалова. Нет, увольте.* (А. Островский).

Предложения с понятийной семантикой представляют собой устойчивые сочетания лексем, обладающие как модус-

ной, так и диктумной пропозицией. Эти предложения способны иметь несвободные фразеологизированные синтаксические схемы, опорные компоненты которых представляют собой семантически опустошенные слова или их сочетания, что обеспечивает грамматическую и лексическую нечленность данных конструкций. Подобные единицы выражают обобщенное понятийное содержание: *Паратов. Какую пищу вы дадите для разговоров. Лариса. Что мне за дело до разговоров!* [«Мне безразличны разговоры»] (А. Островский). *Ай-ай! Что за шалости!* – тихо смеялся он, отпирая двери... [возмущение] (Тэффи).

И те, и другие конструкции обладают переосмысленной семантикой, не вытекающей из прямого значения составляющих лексем. Они выполняют реактивную, волеизъявительную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции в языке и речи. При этом выражают различные оттенки значения и обладают большим коммуникативно-прагматическим потенциалом. Практически всегда выражаемое подобными единицами содержание не членимо, полный семантический спектр нечленимого предложения проявляется только в контексте речевой ситуации: *Аграфена Кондратьевна. Так что же, я дура, по-твоему, что ли? Какие у тебя там гусары, бесстыжий твой нос! Тыфу ты, дьявольское наваждение!.. Ишь ты! Ишь ты! А!.. Ах, ма-мушки вы мои! Липочка. Как же! Позволю я над собой командовать! Вот еще новости!* (А. Островский). Истинный смысл коммуникации, как мы видим, состоит в выражении не только интенции автора, но и модальности и эмотивности.

Проанализировав языковой материал, выделили несколько функционально-семантические группы нечленимых

предложений, в них включаются: сигнал подтверждения или отрицания в ответной реплике того фрагмента смысла, который содержится в реплике-стимуле; этикетные выражения; волеизъявление, побуждение к какому-либо действию или к его прекращению; нечленимые конструкции, традиционно произносимые в той или иной коммуникативной ситуации; нечленимые предложения, используемые в структуре реплик диалогов с целью выявления эмоционального состояния коммуникантов или их отношения к компонентам языковой ситуации (эмоционально-оценочные предложения) и междометные восклицания, семантика которых зависит от контекста. Это основные функционально-семантические классы нечленимых предложений. Окончательная классификация весьма затруднительна вследствие тонкой дифференциации смыслов, эксплицируемых нечленимыми предложениями.

Говоря о семантической организации нечленимых конструкций, можем сделать вывод о том, что подобные единицы обладают обобщенной понятийной или непонятийной семантикой, выражаемой грамматически нечленимыми предложениями, состоящими из десемантизированных переосмысленных лексем. Нечленимые предложения функционируют в контексте, поэтому выражаемое ими значение неотделимо от языковой ситуации и базируется на пропозициях ее компонентов. Изучение нечленимых предложений в семантическом аспекте представляет широкую перспективу для исследования ввиду того, что не изучен прагматический потенциал переходных конструкций, имеющих усложненный смысловой план, не произведена типология коммуникативных ситуаций, в которых функционируют те или иные нечленимые конструкции и т. п.

К проблеме вводных и вставных элементов в аспекте коммуникативной прагматики

Е. А. Пантелеева

Волгоград

Вводные элементы, вставные элементы

Коммуникативно-прагматическое исследование вводных и вставных элементов современного русского языка представляет собой перспективное направление лингвистических исследований, которое изучает способы использования синтаксических средств языка, в частности, вводных и вставных элементов в деятельности речевого общения в процессе межличностного взаимодействия.

В речи существуют и категориально различаются вводные элементы и вставные элементы. Вводный элемент определяется с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики как компонент высказывания, формирующий модальный план и реализующий определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего. Вставные элементы определяются как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки сложного предложения; вставка создает «двухтекст» с включающим предложением и выражает метакоммуникативное содержание.

В параметры, определяющие системную структуру коммуникативно-прагматической ситуации с использованием вводных и вставных элементов, включаются: говорящий субъект, реализующий свои коммуникативные установки; адресат, воспринимающий информацию; общая цель деятельности коммуникантов, определяющая речевой способ общения и выбор вводных и вставных элементов языка как выражение субъективной позиции говорящего.

Коммуникативная установка говорящего субъекта, использующего вводные и вставные элементы в деятельности речевого общения, является одним из ведущих факторов общения и представляет собой предрасположенность деятельности речевого общения к передаче информации с помощью вводных и вставных элементов языка с расчетом на достижение прогнозируемого результата общения. Коммуникативная установка содержит план коммуникативных намерений в аспекте которого говорящий стремится посредством вводных и вставных элементов передать адресату различную информацию, а также план прагматического расчета с помощью которого коммуникант планирует достижение определенного результата в воздействии на адресата.

С позиций коммуникативной прагматики классификацию вводных элементов можно представить следующим образом: акцентно-утвердительные, акцентно-вероятностные, эмотивно-кваликативные, адресно-маркированные, фатические и метатекстовые вводные элементы. Адресант с помощью акцентно-утвердительных вводных элементов акцентируют внимание адресата на всем высказывании или какой-либо его части, целенаправленно настаивает на определенной номинации, зная, что информация достоверна. Акцентно-вероятностные вводные элементы, в определенных ситуациях речевой деятельности реализуют прагматическую семантику – различные оттенки вероятности, возможности. Вводные элементы, имеющие экспрессивный оттенок, выражающие положительное или отрицательное отношение к содержанию высказывания называются эмотивно-кваликативными. Адресно-маркированные вводные элементы служат для выражения прикрепленности мнения или оценки к конкретной субъектной сфере, указывают на источник сообщения. Фатические вводные элементы реализуют «сему контакта» на всех трех фазах речевого общения (установление, поддержание, размыкание речевого контакта). Метатекстовые вводные элементы, с одной стороны, связывая части текста (отдельные предложения, абзацы) являются специфическим средством межфразовой и межабзацной связи, а с другой – помогают говорящему (пишущему) решать ряд прагматических задач: акцентировать внимание собеседника на определенной номинации в тексте; указать на большую или меньшую степень значимости того или иного признака в тексте; логизировать текст, при этом раскрывая ход рассуждений коммуниканта; маркировать тривиальное положение вещей; представить авторский комментарий по отношению к той или иной теме или ситуации; маркировать эмоциональную оценочность.

Коммуникативно-прагматические исследования вводных элементов позволяют проанализировать их в свете теории речевых актов – в зависимости от реализации говорящим субъектом совокупности коммуникативных установок или иллюкутивных интенций. Вводные элементы участвуют в

таких актах общения, как: акты возмущения, негодования; акты восхищения, восторга; акты мнения, слуха, признания; акты испуга; акты клятвенного заверения; акты назидания, укора; акты насмешки, презрения; акты одобрения, поощрения; акты отчаяния; акты предостережения, предупреждения; акты раздражения, досады; акты решимости; акты согласия, подтверждения, примирения; акты удивления, изумления, недоумения; акты недоверия, сомнения.

Вставные элементы с точки зрения коммуникативной прагматики мы делим на три группы: текстопропозитивные, эмотивно-оценочные, контаминированные.

Текстопропозитивные вставные элементы на уровне высказывания призваны пояснять, уточнять, дополнять пропозиционное содержание высказывания. Адресант при включении текстопропозитивных вставных элементов в содержание основного высказывания решает следующие прагматические задачи: уточняет информацию основного содержания высказывания путем обозначения возможной альтернативной ситуации; передает информацию как достоверную или проблематичную; акцентирует внимание собеседника на информации представляемой в содержании основного высказывания; максимально адаптирует передачу информации к восприятию адресата; снижает категоричность высказывания; повышает степень достоверности информации за

счет цитируемого источника; представляет ход рассуждений коммуниканта.

Эмотивно-оценочные вставные элементы ярко выражают эмотивно-оценочное отношение говорящего: к содержанию текста, к жанру текста и к адресату. Вплетаясь в ткань основного высказывания, эмотивно-оценочные вставные элементы с точки зрения их смыслового наполнения способны реализовать ряд прагматических установок говорящего, таких, как: ввести положительную, отрицательную информацию по отношению к описываемому в основном высказывании; по отношению к самому себе или оформлению речевого высказывания; создать ироническую тональность высказывания; вуализировать категоричность высказывания.

Контаминированные вставные элементы сочетают в себе коммуникативно-прагматическую нагрузку текстопропозитивных и эмотивно-оценочных вставных элементов.

Таким образом, вводные и вставные элементы, используемые в условиях коммуникативно-прагматической деятельности содержат в себе субъективную информацию к реалиям окружающей действительности, и эта информация, с позиции отправителя речевого сообщения, призвана реализовать определенный набор коммуникативных установок и эффективно воздействовать на адресата.

Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений с характеризационными предикатами (со значением квалитативно-кваликативного признака)

Л. М. Савосина

Московский государственный лингвистический университет

Summary. The report is dedicated to the problem of the sentence paradigmatics. The author considers the paradigmatic capabilities of binominative sentences, expressing the relation of characterization the transformative paradigm of binominative sentences. Special attention is paid to the idea that any transformation of a sentence is a means of realization of a specific communicative task.

В многочисленных работах, освещающих вопрос о парадигме предложения (интерес к которой не ослабевает и сегодня), отражаются различные (но внутренне не противоречивые) подходы лингвистов к осмыслению данного понятия.

Понятие парадигмы применяется автором при рассмотрении рядов предложений, объединенных тождеством (единством) отражаемой ими ситуации, в нашем случае, ситуации характеристики.

Исходя из широкого понимания автором парадигмы предложений, в ней, судя по первым наблюдениям над функционированием в речи предложений с характеризационными предикатами со значением квалитативно-кваликативного признака, так называемыми биноминативными предложениями характеристики (далее – БПХ), типа *Сибиряки – народ крепкий, Мурманск – крупный порт*, имеющих, как оказалось, богатый парадигматический потенциал, можно выделить три подмножества:

1) синтаксическую (синтаксическое поле по Г. А. Золотовой) и в первую очередь грамматические и структурно-семантические модификации в этом поле (*Петр – человек умный; Петр был / будет человеком умным; Петр становится / оказался человеком умным; Петр – человек далеко не умный* и др.); 2) актуализационную (системные тема-рематические модификации исходных моделей: *Петр – человек умный; Человек Петр умный; Умный Петр человек* и др.); на данном этапе исследования выделены 16 интонационных моделей; и 3) трансформационную (*Петр слывет человеком умным; Петра знают как человека умного; Из Петра вышел человек умный; У Петра умная голова; Петр – просто умница!; Петр – семь пядей во лбу!*) парадигмы.

Две последние составляют коммуникативную парадигму предложений данного типа, под которой мы понимаем совокупность объединенных общностью отражаемой ситуации характеристики предложений, каждое из которых развертывает сообщение в определенной коммуникативной перспективе в соответствии с определенным коммуникативным заданием (выделено 4 типа коммуникативных задач). Важно, как нам представляется, проследить путь от отражаемой ситуации к конкретному предложению, реализующему данное коммуникативное задание.

Как показывает материал, трансформационные возможности БПХ весьма разнообразны. Так, например, трансформа-

ционную парадигму рассматриваемых предложений могут составлять:

1. Изосемические глагольные конструкции с субъектом состояния (а также с субъектом в роли экспериенцера, посессора, дескриптива, элементарива, комплексива, агенса, донатора и др., формируемыми характеризационными, акциональными, реляционными, стативными и другими типами предикатов). Например: *Зимой, особенно морозной, все шведы чувствуют себя счастливыми.* – ср.: *Зима, особенно морозная – счастливое время года для всех шведов; Местные шейхи очень любят забавляться соколиной охотой...* – ср.: *Любимая забава местных шейхов – соколиная охота.*

2. Модели, формируемые описательными предикатами. Например: *При каждом звонке из России я испытывал большую радость.* – ср.: *Каждому звонку из России я очень радовался; Каждый звонок из России – большая радость для меня; Киты любят совершать большие путешествия.* – *Киты любят путешествовать.* – *Киты – большие путешественники.*

3. Модели, различной структуры, но семантически родственные БПХ, сохраняющие их содержательное ядро. Например: *Этот человек обрел репутацию крупного авторитета в уфологической области.* – *Этот человек – крупный авторитет в уфологической области; К Петру трудно найти подход.* – *Петр – крепкий орешек; У владельцев коттеджей голова болит от дум: как избавиться от барсуков. Головная боль владельцев коттеджей – барсуки; Чтобы собрать ребенка в школу, нужно нарушить спокойный образ жизни.* – *Сборы ребенка в школу – настоящее стихийное бедствие* и др.

По первым наблюдениям можно сделать предварительные выводы:

1. Трансформационная парадигма БПХ – это иерархически организованная система, включающая: 1) исходную (изосемическую) модель; 2) связочные варианты исходной модели; 3) синонимические трансформы – перефразировки исходной модели.

2. Синонимические трансформы – перефразировки представляют ситуацию характеристики конструкциями, построенными по другим моделям с другими типовыми значениями (отношения, обладания, состояния и др.), формируемыми предикатами разных типов.

3. Количество членов трансформационной парадигмы может быть исчислимо, поскольку оно обусловлено возможностью представить ситуацию характеристики конструкциями, построенными по определенным моделям.

4. Трансформационная парадигма (наряду с актуализационной) организует коммуникативную парадигму предложения, которая, как показывает материал, может иметь полевою структуру.

К вопросу о формализации прагматических (семантических) речевых моделей

Г. М. Сучкова

Смольный институт, Санкт-Петербург

Метакоммуникация, речевые модели, иллокутивная сила, метаязык, пропозиция

Summary. Now both syntactical and grammatical codes of the verbal communication are formalized. The report is devoted to the description of pragmatic models. Formalization of pragmatic models at an elementary level is a prologue to development of a metalanguage for the description of pragmatics (semantics) of human interaction.

Речевыми прагматическими моделями (РПМ) метакоммуникации будем называть конструкции конвенционального характера, выступающие как клишированные формы речевого взаимодействия коммуникантов. РПМ интересны тем, что содержат информацию не столько о речевых актах, сколько о коммуникативных актах, которые олицетворяют структуру человеческого взаимодействия, связанного с определенным поведением. Огромное их количество и разновеликие объемы не позволяют представить все их многообразие. Опишем некоторые метамодели диалогического плана, связанные с поведением.

Отношение между содержательным и побудительным аспектами коммуникации определяется метакоммуникативными параметрами. Аспект отношений является коммуникацией о коммуникации, то есть представляет понятие метакоммуникации. Способность к метакоммуникации не только необходимое условие успешной коммуникации, это решение многочисленных проблем осознания себя и других.

Мета коммуникация в разговоре определяет основную схему взаимодействия. В качестве метакоммуникационных выступают побудительные предложения. Побудительным назовем предложение / высказывание, выражающее волеизъявление говорящего (приказ, просьба, предостережение, протест, угроза, призыв, приглашение к совместному действию и др.).

Побудительные структуры часто имеют модельный тип представления. Это вытекает из того, что многие побудительные формы в речи имеют повторяющийся, шаблонизированный характер. К таким можно отнести описанные ранее конструкции «вопрос – контрвопрос», «вопрос – неадекватный ответ», «вопрос – непрямой ответ» и другие [Сучкова Г. М. Жанровая форма информационного сообщения как объект лингвистического исследования (Прагматические аспекты синтаксического построения). Диссерт. на соиск. ... канд. филол. наук. СПб., 1999]. Они семантически, всегда или почти всегда имеют экспрессивный (эмотивный) характер, обозначают отношения коммуникантов, в которых присутствует параметр поведения – несогласие, нежелание почтиться, прислушаться, понимать, реагировать и др. В зависимости от контекста возможен и другой набор реализаций – радостное согласие, подтверждение посредством восклицания, шутливое высказывание, ироничный оборот и др.

Обратимся к другим моделям: «утверждение – антиутверждение» («антиутверждение – утверждение»), «утверждение – антиутверждение – вопрос (или восклицание)» и др. Широкий диапазон реализаций, которые характеризуют модель, позволяет использовать ее при разных обстоятельствах: в шутливых высказываниях, в противоречивых высказываниях, в парадоксальных высказываниях. С семантической точки зрения эти модели содержат противоречия, и тем самым характеризуются как семантически аномальные. Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что именно такие высказывания могут входить в намерения говорящего для создания определенного эффекта, например комического. Для подобных высказываний важен характер интерпретации. Возможно сравнение, выбор, утверждение-отрицание негатива / позитива. Часто оппозиционные высказывания употребляются преднамеренно с целью внесения элемента неопределенности, недосказанности или др. Интерпретация

возможна лишь в том случае, если высказывание содержит семантическое противоречие. Выбор интерпретации таких моделей не бывает произвольным, а продиктован либо семантической структурой, либо экстралингвистическими понятиями. Отметим также, что такие модели могут встретиться не только в диалогической речи, но и в описаниях, монологах и др.

Эти модели могут усложняться разными способами: «вопрос – прямой ответ (утверждение), уточняющий вопрос – противоположный ответ (антиутверждение)»; или таким образом: «вопрос или реплика – ответ (утверждение) – вопрос или реплика – ответ (антиутверждение)»; по сокращенной схеме «реплика или вопрос – ответ (утверждение – антиутверждение)» и др.

Общая модель (схема) «утверждение – антиутверждение» может выступать в виде синонимичных схем «неправильно понятое утверждение – антиутверждение» или «утверждение (вопрос) и / или реплика – нелогичное утверждение», или, наоборот, «утверждение – нелогичный вопрос», «утверждение – антиутверждение – первоначальное утверждение», «утверждение – антиутверждение – вопрос – контрвопрос» и др.

Например [Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992]. «Отправил я как-то рукопись в “Литературную газету”. Получил такой фантастический ответ: “Ваш рассказ нам очень понравился. Используем в апреле нынешнего года. Хотя надежды мало. С приветом – Цитриняк”» («утверждение – антиутверждение», или «логичное начало – алогичный конец»).

Приведем еще один тип модели: «вопрос – парадигма ответов», «вопрос – контрвопрос – парадигма ответов», «утверждение – парадигма утверждений», «вопрос – реплика – парадигма ответов – один из вариантов парадигмы (реплики или вопроса)», «парадигма вопросов – парадигма ответов» и др. Например [Довлатов С. Записные книжки. Л., 1992].

«– Мы хотели бы выступить перед Ахматовой. Как это сделать?»

Чиновники удивились:

– Почему же именно Ахматова? Есть и более уважаемые писатели – Мирошниченко, Саянов, Кетлинская...» («вопрос – контрвопрос – парадигма ответов»).

Представленные модели являются речевыми, поведенческими (модель – образец, служащий стандартом для массового воспроизведения, то же, что тип, схема, структура); в них осуществляется процесс кодирования информации по параметрам отношений. Модели содержат метаязыковую информацию, с помощью которой происходит понимание сути взаимодействия коммуникантов на уровне содержания и «взаимоотношений» в том или ином контексте. Понимание модели предполагает понимание ее иллокутивной силой и пропозиционального содержания. Различение иллокутивного и пропозиционального актов позволяет приписать любому иллокутивному акту логическую структуру $F(p)$, где (p) обозначает пропозициональное содержание иллокутивного акта, а F – его иллокутивную силу. Иллокутивная сила выражается не обязательно эксплицитными языковыми средствами.

Формализация прагматических моделей на элементарном уровне – пролог к разработкам метаязыка для описания прагматики (семантики) человеческого взаимодействия.

Лимитативные ситуации с глаголами движения

С. И. Холод

Тюменский государственный университет

Предельность, неопредельность, лимитативный нуль

Summary. The article deals with the limitative situations in the sentences with the verbs expressing movement which are used as predicates. Limitative and unlimitative situations as well as the situations of limitative «naught» have been characterized in this article.

Аспектуальная семантика в последние десятилетия активно изучается как на уровне глагольной лексемы, так и на уровне предложения.

Центральное место среди аспектуальных значений занимает лимитативность.

Для анализа данного значения на уровне высказывания используется понятие лимитативной ситуации.

Под лимитативной ситуацией понимается выраженная в предложении сложная семантическая структура, характеризующаяся тем или иным отношением к пределу действия.

Выделяются предельные и неопредельные лимитативные ситуации, а также ситуации лимитативного нуля.

Бесприставочные однонаправленные и неоднаправленные глаголы движения (18 пар) и их префиксальные производные встречаются в различных лимитативных ситуациях.

Предельные ситуации представляют такое положение дел, в котором произошло или ожидается какое-либо изменение.

В зависимости от вида предела различаются ситуации с внутренним и внешним, реальным и потенциальным пределом.

Ситуации с внутренним реальным (достигнутым) пределом в русском языке задаются приставочными глаголами движения совершенного вида и выражают преодоление некой пространственной границы, в результате чего действие достигает критической точки, себя исчерпывает и прекращается (*Никита вошел в дом*).

Ситуации с внутренним потенциальным пределом представляют парные глаголы несовершенного вида (вторичные имперфективы), которые обозначают действие, развивающееся в направлении своего предела (*Из щели выползает змея*).

Ситуации с внешним пределом характерны для бесприставочных глаголов движения несовершенного вида, не имеющих видовой пары. Обозначаемое ими действие оказывается заключенным в определенные рамки. Внешний предел при этом может быть пространственным (*Девочка идет в школу*) или временным (*Я бродил по саду до наступления темноты*). Разновидностью временного предела можно считать прерывание процесса действия вследствие наступления другого действия (*Я бродил по саду до тех пор, пока не стемнело*).

Неопредельные ситуации представляют такое положение дел, в котором не происходит и не ожидается никаких изменений. Их семантическим ядром являются непарные глаго-

лы несовершенного вида, обозначающие процесс протекания действия без каких-либо ограничений.

При употреблении как однонаправленных, так и неоднаправленных бесприставочных глаголов движения в предложении существенно лишь указание на самый факт перемещения (*Вот несутся эти сани. Мы бесцельно бродили по городу*).

В ряде случаев важна качественная характеристика движения; внимание сосредоточено на том, как осуществляется перемещение (*Шар летел очень низко*).

Если предельность / неопредельность есть характеристика протекающего действия (и ситуации в целом) относительно реального / потенциального изменения, то **ситуации лимитативного нуля** называют положение вещей безотносительно к пределу действия.

Под лимитативным нулем нами понимается невыраженность в предложении признака предельности / неопредельности действия и, следовательно, невозможность положительной или отрицательной характеристики ситуации с этой точки зрения.

Ситуации лимитативного нуля представлены в предложениях с глаголами в так называемом потенциальном значении, представляющими действия как качественную характеристику лица, его способность к определенной деятельности, а не как реальные процессы (*Малыш уже ходит. Эта спортсменка прекрасно плавает*).

Признак предельности / неопредельности оказывается невыраженным в вопросительных предложениях, когда важен сам факт осуществления действия, а не его характеристика (*Вы ездили к Ивановым?*).

О лимитативном нуле можно говорить применительно к предложениям, содержащим отрицание самого факта действия (*Вчера мы никуда не ходили*).

Не могут быть охарактеризованы с точки зрения предельности / неопредельности ситуации, представленные в предложениях, где в состав предиката входят модальные слова, выражающие отношение к действию (*Нужно плыть днем*).

Один и тот же глагол может участвовать в создании различных лимитативных ситуаций, поэтому при исследовании аспектуальной семантики на уровне предложения следует разграничивать значения глагольные и контекстуальные.

Синтаксические и актуальные позиции инфинитивных аналитических конструкций

Л. А. Чернова

Коломенский государственный педагогический институт

Независимая синтаксическая позиция, синтаксическое и актуальное членение предложения, инверсивная структура высказывания, перенос ремы

Summary. In the report the question about the participation of infinitive analytic constructions in a grammar and communicative sentence articulation is considered.

Инфинитивная аналитическая конструкция (ИАК) представляет собой соединение инфинитива глагола-связки с присвяточным компонентом типа «быть человеком», «быть человеческим». Подобно инфинитиву полнозначного глагола, ИАК может участвовать в моделях монопредикативного и полипредикативного типов: а) в составе модифицированного предиката: *Не каждому суждено быть счастливым*; б) в качестве самостоятельного предиката: *Уже не осталось сомнений, что не быть ему отцом* (А. Н. Толстой); в) в качестве вторичного предиката в полипредикативных предложениях: *Он позвал меня быть у него шафером* (Н. Телешов); г) как пропозициональное подлежащее: *Быть простым и сильным – вот линия моей жизни* (Ю. Нагибин).

Невыраженность тех или иных грамматических категорий, в том числе предикативных, преодолевается ИАК, подобно инфинитиву полнозначного глагола, также синтаксически: за счет синтаксической позиции и синтаксических

связей с окружающими компонентами высказывания. В отличие от инфинитива полнозначного глагола, ИАК представляет собой наименование не действия, отвлеченного от деятеля, а признака, соотносящегося с субъектом-носителем признака. Благодаря присутствию в составе ИАК именного присвяточного компонента, сопряженного с именем-носителем признака, все грамматические модели предложений с ИАК отражают это сопряжение как семантически, так и формально (род и число присвяточного компонента уподобляются соответствующим категориям диктующей субстантивной или субстантивированной словоформы: *не каждому – счастливым, ему – отцом, у него – шафером, я, т. е. обобщенное лицо мужского пола, – простым и сильным*) и не могут употребляться в условиях отсутствия формального сопряжения (ср. примеры с инфинитивом полнозначного глагола: *И царица хохотать; Тут он ругать меня*). Отсюда следует, что в моделях предложений с инфинитивом полнозначного глагола и в моделях с ИАК по-разному выражает-

ся соотношение признака в широком значении (действие по отношению к предмету тоже выступает как признак) и предмета. Это различие отражается в процессе грамматического и коммуникативного моделирования предложений. Это положение касается и коммуникативных регистров речи.

Грамматические и коммуникативные модели инфинитивных предложений, где участвует инфинитив полнозначных глаголов, описаны в книге: *Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

В нашей работе рассматриваются грамматические и коммуникативные модели предложений с ИАК.

Типовое значение ИАК сводится к выражению соотношения признака с предметом, причем в одних синтаксических позициях (независимых) ИАК выражает отношение признака к предмету (*Стать настоящим художником – мечта любого рисовальщика*), в других позициях (зависимых) ИАК выражает отношение предмета к признаку (*Отец учил сына быть верным своей мечте*). В первом случае соотношение признака с предметом является исходной точкой движения мысли, во втором случае оно уточняет, конкретизирует мысль.

Здесь мы ограничим свой анализ только теми грамматическими моделями предложений, в которых ИАК занимает независимые позиции: позицию пропозитивного подлежащего и позицию самостоятельного предиката.

В позиции пропозитивного подлежащего ИАК выступает в роли темы в высказываниях как с прямым порядком компонентов, так и с обратным. Например: *Быть любимым – огромная радость жизни* (М. Пришвин). Ср.: *Огромная радость жизни – быть любимым!* Модели предложений с прямым порядком компонентов служат для организации общих суждений, общенинформативных предложений, высказываний вне контекста. Актуальное членение в них совпадает с синтаксическим. Эти модели типичны для ИАК при любых сказуемых, представляющих довольно разветвленную систему форм и выступающих в роли ремы высказывания: инфинитив полнозначного глагола с частицами «это», «вот», «значит» или без них, ИАК, глагол в личной форме, имя существительное или имя прилагательное в форме именительного падежа, краткое страдательное причастие или краткое имя прилагательное, компаратив.

Модели предложений с инверсивным порядком компонентов не нарушают соответствия между синтаксическим и актуальным членением, так как относятся к негибким структурам, которые допускают перенос ремы, но не тема-рематиическую мену. Перенос ремы на первое место означает риторический прием, еще более актуализирующий рему и придающий предложению экспрессивность как с качественной, так и с качественно-количественной оценкой. Например: *Какое же (т. е. большое) счастье быть земским врачом!* (А. Чехов); *Страшно оставаться одной* (А. Чехов). Инверсивные модели менее типичны по сравнению с моделями, имеющими прямой порядок компонентов, и формируются при участии сказуемых, представленных краткими формами прилагательных и причастий, а также оценочными субстантивами в форме именительного падежа. В обеих моделях с ИАК ударение падает на рему-сказуемое, но при изменении словоупотребления внутри ИАК с целью приспособления речи к разговорному типу общения в эмоциональном ключе возможно выделение дополнительным ударением присвязочной словоформы, например: *Огромная радость жизни – любимым быть!* Приведенные варианты высказывания с инверсивной структурой решают субъективные коммуникативные задачи, то есть внутренние, исходящие от говорящего: они не меняют общего содержания, а делают высказывание эмоционально-экспрессивным или приспособляют его к сложившейся ситуации, к соответствующему типу общения. В отличие от типового подлежащего, ИАК не может представлять абсолютно свободную синтаксему, так как обусловлена пропозитивным содержанием и предикатом оценочного типа. В актуальном плане ИАК-подлежащее демонстрирует тема-рематиический синкретизм с разрешением его в пользу темы высказывания. В составе предложения обычно выступает как единая синтаксическая и коммуникативная единица.

В позиции самостоятельного предиката ИАК выражает рему инфинитивного предложения. Инфинитивные предложения с ИАК образуют несколько моделей, имеющих различные коммуникативные задания. Наиболее типичными

являются модели с включением детерминанта. Они обладают гибкой структурой с прямым и обратным расположением частей и допускают различные стилистические оттенки, связанные как со сферой использования, так и с эмоционально-экспрессивной окраской. Самым употребительным является вариант предложения, в котором детерминант начинается предложение и выражает тему-данное или тему-новое, а следующая за ним ИАК обозначает рему. Например: *Рекам и водоемам быть чистыми* («Известия»); *Не всем же быть кандидатами наук* (Г. Калиновский).

Фразовое ударение в этой модели падает на именную компоненту рематиической ИАК, а после детерминанта выдерживается пауза. Данная модель предложения характерна для разговорной и публицистической речи для передачи различных оттенков эпистемического значения: уверенности говорящего в осуществимости, необходимости, неизбежности, предопределенности сообщаемого. Потенциальный субъект, к которому относится выражаемый ИАК признак и в качестве которого может выступать лицо или предмет, вербализуется субстантивом в дательном падеже и в любом лице. Например: *Мне быть хозяйкой в этом доме; Тебе быть хозяйкой в этом доме; Ей быть хозяйкой в этом доме.*

Детерминантное слово может расчленять ИАК, размещаясь между ее компонентами. Результатом расчленения является образование синтагматически зависимого высказывания, в котором зависимое слово выступает в качестве второй темы – темы-данного. Роль первой темы играет тот компонент ИАК, который оказывается перед зависимым словом, а роль ремы – тот, который находится после зависимого слова. Например: *Быть тебе Репиным!* – говорил Никитин (К. Паустовский). Данное словорасположение выражает экспрессию, при которой ударным выступает рематиический компонент ИАК.

В эпистемических предложениях с ИАК типично употребление отрицательной частицы «не», которая может занимать место как при компонентах ИАК, так и при зависимом компоненте. Например: *Не быть тебе, дева, женой казака* (Из песни); *Не тебе быть женой казака; С житья такого им гладкими не стать* (А. Солженицын); *Быть тебе не Репиным, а уличным рисовальщиком*. В предложениях с отрицанием субъект обычно вербализован, представлен субстантивом в форме дательного падежа, а компонент с отрицанием приобретает рематиический акцент.

Менее типичны модели инфинитивных предложений с ИАК без детерминанта. В этом случае ИАК вводятся в сложные по конструкции рефлексивные предложения посредством союзов «чтобы», «чтоб», «если». Например: *Взгляни на этот свадебный венец долго, чтобы впивать энергию и быть везучим и счастливым* (Ю. Бондарев); *... все это может сделать жизнь богатой и полной, если любить, а не быть равнодушным* (В. Солоухин). Подобные высказывания обычно имитируют публицистическую речь, функционируют без инверсии компонентов ИАК, с ударением на присвязочной части, содержащей оценку обобщенного лица. Коммуникативно они не расчленяются. Говорящий субъект в них равен потенциальному агенту, содержание связано с внутренним миром говорящего, предложение содержит размышления субъекта. В таких примерах ИАК может использоваться в однородном ряду с инфинитивом полнозначных глаголов, что способствует передаче внутреннего экспрессивного содержания при стилистически нейтральном словоупотреблении. Процесс размышления субъекта может демонстрироваться и в виде простого предложения с участием ИАК. Например: *Чтобы стать признанными и найти пациентов?* («Неделя»). Предложение данного типа аналогично парцеллированному, по форме совпадающему с придаточным предложением. Неназванность субъекта объясняется его определенно-личным значением, ясным из контекста, коммуникативная расчлененность отсутствует (целая рема).

Возможно также включение независимой рематиической ИАК в опативный тип предложения, где выражается сильное желание, потребность говорящего в чем-либо при отсутствии на то условий осуществления. Например: *Вот бы и мне стать знаменитым!* (В. Вересаев). Такое высказывание экспрессивно.

Таким образом, в позиции независимого предиката ИАК характеризуется участием в моделях с различными коммуникативными регистрами и разнообразием коммуникативных планов и актуальных позиций, что связано с присутствием детерминантных слов и отрицательных частиц.

К вопросу о безличных пассивных оборотах в русском языке

В. П. Щаднева, Ю. С. Кудрявцев

Тартуский университет (Эстония)

Пассивная трансформация, страдательный залог, переходный глагол, безличное предложение, падеж

Summary. This report deals with Russian passive constructions with nonagreement of components of the sentence on the categories of number, person and gender. In such cases passive transformation leads to depersonification and creates an impersonal passive sentence.

1. В русском синтаксисе отмечены случаи, когда **активная личная** конструкция при замене глагольной формы действительного залога на форму страдательного залога преобразуется в **пассивную безличную**. Иными словами, происходит **пассивная деперсонализация**. Под деперсонализацией понимается выбор такой формы сказуемого, которая не согласуется с выразителем прямого объекта по роду и числу, как это происходит при стандартной пассивной трансформации. В таких производных предложениях сказуемое ставится обязательно в единственном числе и среднем роде, например: *В сочинении мы не обнаружили орфографических ошибок* → *В сочинении нами не было обнаружено орфографических ошибок*. Подобные трансформации порождают нетипичные пассивные обороты с **рассогласованием** компонентов, а двусоставное активное предложение с переходным глаголом в роли сказуемого преобразуется в односоставное **безлично-пассивное**. Рассмотрим это явление подробнее.

2. В синтаксической системе русского языка типичным является образование двусоставных личных пассивных предложений путем пассивной трансформации активных конструкций с переходным глаголом. При этом форма действительного залога глагола заменяется формой страдательного залога, а существительные меняют падежную форму: прямое дополнение в Вин. п. преобразуется в Им. п. и становится подлежащим страдательного предложения, а подлежащее исходного активного предложения становится агентивным дополнением и выражается творительным падежом, т. е. формула типичной пассивной конструкции следующая: **Подлежащее (Им. п.) + Сказуемое в согласуемой по числу и роду форме страдательного залога + Агентивное дополнение (Тв. п.)**. Это трехкомпонентные пассивные структуры типа *Шеф-повар (Им. п.) приготовил (Действ. залог) селянку (Вин. п.)* → *Селянка (Им. п.) приготовлена (Страд. залог) шеф-поваром (Тв. п.)*. В двучленном пассиве объект также обычно ставится в Им. п.: *Информацию (Вин. п.) об этом пока не обнаружат / не обнаруживали (Действ. залог)* → *Информация (Им. п.) об этом пока не обнаружится / не обнаружена (Страд. залог)*. Следует особо подчеркнуть, что при таких трансформациях глагол меняет не только форму залога, но и другие грамматические показатели, согласуясь в категориях числа и рода с подлежащим. Если подлежащее пассивного предложения выражено личным местоимением, то возникает координация по категории лица: *Тебя обманут дельцы* → *Ты будешь обманут дельцами*. Такова основная схема преобразования в пассив.

3. Однако в известных случаях переходный глагол управляет в активном предложении **не винительным**, а другими падежами. Значение прямого объекта часто бывает выражено родительным падежом (*не купил билетов; налить молока; нарвать цветов; достигнуть вершины; избежать неприятностей*), а в порядке исключения – творительным (*управлять государством*). Обычно и в этих случаях пассивная трансформация формирует личные страдательные предложения описанного выше типа, например: *Альпинисты достигли вершины* → *Вершина достигнута альпинистами; Народ управляет государством* → *Государство управляется*

народом. Также имеет место открытая В. Н. Сидоровым конструкция с дистрибутивным объектом, в которой переходный глагол управляет сочетанием предлога *по* с дательным падежом (*Мама положила в каждую тарелку по котлетке*).

4. Пассивная трансформация порождает в литературном языке нестандартные пассивные конструкции с рассогласованием компонентов предложения в трех случаях:

А. При до сих пор точно не определенных условиях в отрицательных предложениях может сохраняться Род. п. прямого дополнения (в исходном активном отрицательном предложении прямой объект также выражен не Вин. п., а Род. п.): *Сведений об обвиняемом прокуратура пока не обнаружит* → *Сведений об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружится*. По поводу условий такого сохранения в 2005 году в журнале «Вопросы языкознания» состоялась дискуссия между Ю. Д. Апресяном и Е. В. Падучевой.

Б. При глаголах с собирательным значением, если числительные выделяются частицы или некоторые виды обстоятельственных членов (в исходном активном предложении прямой объект выражен не Вин. п., а Род. п. в значении партитива): *Ягод-то, ягод набрали дачницы!* → *Ягод-то, ягод набрано дачницами!* Аналогично: *Дров мною напилено на всю зиму. Мною платьев нашито на три сезона вперед. Петровым на старом месте работы наворочено дел. Тобою за три года наделано долгов*.

В. Дистрибутивный объект не может изменять свое грамматическое оформление, и в пассивном предложении он сохраняет статус дополнения: *Мама положила на каждую тарелку по котлетке* → *Мамой было положено на каждую тарелку по котлетке*.

Итак, группы А, Б и В свидетельствуют о том, что в русском языке результатом страдательного преобразования могут быть безличные предложения. Синтаксическим признаком безличности здесь является отсутствие формального подлежащего. Морфологическим признаком выступает безличная форма личного глагола, т. е. форма единственного числа и среднего рода (если род имеется): *не было обнаружено, не обнаружится, наворочено, было положено* и т. д. То, что мы имеем дело в данном случае с безличным пассивом, ясно видно из сопоставления с личными пассивными конструкциями, возникающими при пассивной трансформации таких предложений, в которых прямой объект выражен Вин. п. Ср.: *Сведений об обвиняемом прокуратура пока не обнаружит* → *Сведений об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружится* (безличный пассив). *Сведения об обвиняемом прокуратура пока не обнаружит* → *Сведения об обвиняемом прокуратурой пока не обнаружатся* (личный пассив). Важнейшим свойством безличного пассива указанного вида выступает отсутствие согласования глагольной формы с акантами, выраженными существительными или местоимениями.

5. Более сложные отношения, возникающие в двучленном пассиве, будут специально рассмотрены в докладе. Мы предполагаем сопоставить точки зрения Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой и Б. Парти на конструкции типа *Мороза не чувствовалось*.

Модусные маркеры в конструкциях вывода-обоснования

Е. С. Ярыгина

Марийский государственный педагогический институт им. Н. К. Крупской, Йошкар-Ола

Причинно-следственные отношения, конструкции вывода-обоснования, семантика, типы модуса; средства выражения модуса

Summary. The report is devoted to means of expression mode in designs of a conclusion-substantiation. The author shows that the subjective component of semantics of designs of a conclusion-substantiation is differently submitted in conclusion. The conclusion can contain opinion of the subject of consciousness and speech, its estimation of any phenomenon, event or will.

1. Специфика конструкций вывода-обоснования (далее – КВО), традиционно рассматриваемых в русистике как не-

собственно-причинные сложные предложения, состоит в том, что причинно-следственные отношения в них подвер-

гаются определенной семантической модификации: компонент «причина» выражает не объективно существующую причину явления или события, а трансформируется в «вывод», содержащий мнение, оценку или волю субъекта мыслящего и говорящего; компонент «следствие», в свою очередь, модифицируется в «обоснование», которое по сути представляет собой логический довод, служащий основанием «вывода» и помогающий коммуникативному партнеру понять, почему говорящий пришел к данному заключению. Тем самым «обоснование» оказывается причиной вывода.

2. В КВО, формально представленных как сложное (сложноподчиненное или бессоюзное сложное) предложение или последовательность простых или сложных предложений, причинно-следственные отношения репрезентируются соотношением модальных сфер, ср.: *я думаю (считаю), что..., потому что вижу (знаю) что...* В соответствии с предложенным пониманием, КВО интерпретируется как текстовое явление, в котором проявляется особая речевая тактика – от вывода к аргументу.

3. Для всех 3-х коммуникативно-смысловых типов **вывода** – мнения, побуждения и оценки – характерно использование вводно-модальных слов, выражающих модально значение предположительности на фоне основной, реальной модальности. Отсутствие вводного компонента в **выводе** свидетельствует о модальном значении констатации аспекта достоверно / вероятности. Маркером выводного суждения является вербализованный модус, представленный в предшествующем по отношению к **выводу** главном предложении (типа *Я думаю, что; мысля я; было видно, что; ясно, что* и под.).

4. Одновременно с этим типологические разновидности **вывода** проявляют спецификацию средств выражения в зависимости от своего коммуникативно-смыслового содержания. Так, мнение содержит предположение (мнение) о реальном событии или действии, не направленное на активного адресата. Кроме того, мнение связано с возможностью осуществления действия. В **выводе** данного типа могут быть выражены 3-и типа возможности: внутренняя, внешняя и деонтическая, которые выражаются модальными словами *надо, нужно, нельзя, невозможно* и под. в автономном употреблении или в сочетании с инфинитивом; модальным глаголом *мочь* и его производными; отрицательными место-

имениями и местоименными наречиями в сочетании с инфинитивом (*не с кем посоветоваться, некуда пойти* и т. п.), формами сослагательного наклонения или формами индикатива в настоящем узальном или будущем времени, а также формой независимого инфинитива.

5. Побуждение характеризуется волевым началом субъекта речи и обязательным наличием адресата. Побуждение отличается морфологизованным типом предиката. Побуждение в **выводе** передается посредством форм повелительного наклонения (формы 2-го лица единственного или множественного числа или аналитическая форма – *с пусть*), формами конъюнктива и вопросительно-побудительными предложениями. Для выражения побуждения в **выводе** используется также сочетание инфинитива с модальными словами *надо, нужно, должно, нельзя* и т. п.

6. Побуждение передается и косвенными средствами, среди которых отметим как наиболее продуктивные следующие: сочетание модальных слов *надо, нужно, должно, необходимо, нельзя* с инфинитивом или страдательным причастием в прошедшем времени; сочетание этих же модальных слов с отвлеченными существительными; глаголы *следует, стоит, годится* и под. с отрицанием в сочетании с инфинитивом.

7. В оценочном **выводе** объектом оценки может быть: 1) лицо или предмет; 2) действие или событие; 3) высказывание или мысли другого субъекта мнения. Для первого типа оценочного **вывода** характерно использование оценочных прилагательных и существительных. В качестве средств выражения этической, прагматической, эстетической и эмоциональной оценки в **выводе** употребляются: категория оценки в сочетании с инфинитивом; предикативные наречия в функции главного члена безличного предложения (*повезло, поделом* и т. п.); оценочные прилагательные со связочными глаголами; аксиологические прилагательные (*хорошо, плохо, справедливо* и под.) в функции именной части составного именного сказуемого.

8. Если вводные слова характерны для всех коммуникативно-смысловых типов **вывода**, то сферой употребления модальных слов *можно, нужно, нельзя, должно* и т. п. являются только две разновидности вывода: **вывод**-мнение и **вывод**-побуждения, в то время как выводу-оценке они не свойственны.